

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

Научная статья
УДК 93/94(470.6)
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-14-75
EDN: CELTBJ

**ЭТНОГЕНЕЗ И РЕГИОНОГЕНЕЗ
В СТАНОВЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ**

Аслан Хажисмелович Боров

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, aslan-borov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8396-6422>

Аннотация: Ключевое значение на подступах к обобщающей истории такого полиэтничного региона, как Кабардино-Балкарская Республика имеет выработка свободной от этноцентризма и убедительной научной трактовки вопросов «начала» истории региона, соотношения в ней процессов этногенеза и регионогенеза. Цель настоящей статьи заключается в прочтении основных результатов изучения этнополитической истории Центрального Кавказа в эпохи древности и средневековья под углом зрения поиска путей к обобщенному представлению генезиса Кабардино-Балкарии как исторической области. Анализ показал, что нет ни одного более или менее общего вопроса этнической и этнополитической истории Центрального Кавказа, по которому в научном сообществе был бы достигнут на сегодняшний день безоговорочный консенсус. Вместе с тем в изученной литературе не подвергается сомнению автохтонность адыгской и карачаево-балкарской этнических общностей (этносов), частью которых являются кабардинцы и балкарцы, их глубокая укорененность в регионе Центрального и Северо-Западного Кавказа. Сугубо индивидуализирующий этноисторический подход к поиску их корней неизбежно приводит к сужению угла зрения на историческую реальность. Напротив, пространственный подход позволяет не только идентифицировать культурные элементы и комплексы, соотносимые с тем или иным этносом, но также принять во внимание их взаимодействия, взаимосвязи, культурные обмены. Образование Кабарды и Балкарии является результатом не столько этноисторического развития их ближайших предков, сколько политических процессов на территории Центрального Кавказа, связанных со сменой политически доминирующих здесь сил. События конца XIV в. создали возможность становления Кабарды и Балкарии как самостоятельных этно-социо-территориальных образований. Оно происходило одновременно и параллельно в равнинно-предгорной и горной зонах Центрального Кавказа. Природно-географические условия территорий, на которых локализовались кабардинское и балкарское общества предопределили их тесную и устойчивую хозяйственно-экономическую, социально-политическую и культурную связанность. Сформировалась особая пространственно-временная целостность – историческая Кабардино-Балкария.

Ключевые слова: Россия, Центральный Кавказ, Кабардино-Балкария, древность, средневековье, кабардинцы, балкарцы, этногенез, регионогенез, историческая область.

Для цитирования: Боров А.Х. Этногенез и регионогенез в становлении исторической Кабардино-Балкарии // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 14-75. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-14-75. EDN: CELTBJ.

© Боров А.Х., 2023

Original article

ETHNOGENESIS AND REGION'S GENESIS IN THE MAKING OF HISTORICAL KABARDINO-BALKARIA

Aslan Khazhismelovich Borov

Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, aslan-borov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8396-6422>

Abstract. On the path towards a comprehensive historical understanding of the diverse Kabardino-Balkarian Republic, it is crucial to develop an unbiased and compelling scholarly interpretation of the region's origins. The interplay between ethnogenesis and the genesis of the region itself holds great significance in this endeavor. This article aims to present the primary findings of a study on the ethno-political history of the Central Caucasus during antiquity and the Middle Ages, with the goal of offering a holistic understanding of Kabardino-Balkaria's genesis as a historical entity. The analysis reveals the lack of a universally accepted consensus within the scientific community regarding any major aspect of the ethnic and ethno-political history of the Central Caucasus. Nonetheless, the literature examined does not dispute the autochthonous nature of the Adyghe and Karachay-Balkarian ethnic communities, which encompass the Kabardians and Balkars respectively, acknowledging their deep-rootedness in the region of the Central and North-Western Caucasus. An overly individualistic approach to their historical roots would narrow our perspective on the complexity of historical reality. Conversely, a spatial approach allows us to identify not only cultural elements associated with each ethnic group, but also the interactions, interconnections, and cultural exchanges between them. The formation of Kabarda and Balkaria is not merely the result of the ethnohistorical development of their immediate ancestors, but rather a consequence of the political processes that unfolded in the Central Caucasus, marked by shifts in political dominance. The events occurring towards the end of the 14th century facilitated the emergence of Kabarda and Balkaria as independent ethno-socio-territorial entities, unfolding simultaneously in the flat-foothill and mountainous zones of the Central Caucasus. The natural and geographical conditions of the territories occupied by Kabardian and Balkar societies laid the foundation for a close and enduring economic, socio-political, and cultural connection. This gave rise to a distinct spatial-temporal entity - the historical Kabardino-Balkaria.

Keywords: Russia, Central Caucasus, Kabardino-Balkaria, antiquity, Middle Ages, Kabardians, Balkars, ethnogenesis, region's genesis, historical region.

For citation: Borov A.Kh. Ethnogenesis and region's genesis in the making of historical Kabardino-Balkaria. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 3. – P. 14-75. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-14-75. EDN: CELTBJ.

© Borov A.Kh., 2023

Введение

История, как реконструкция и осмысление социального опыта, всегда отнесена к определенному историческому субъекту, носителю этого опыта. Историческая субъектность отдельных народов современной России кажется ныне «снятой» в их политическом согражданстве, в их социальной и культурной общности. Однако она сохраняет свое присутствие в структурах их личной и групповой идентичности, в их историческом самосознании. Но прошлое выглядит по-разному с точки зрения различных идентичностей.

Это явление имеет не только общероссийское, но и региональное измерение. Такова ситуация в Кабардино-Балкарии, как и в некоторых других се-

верокавказских республиках, обусловленная своего рода «полисубъектностью» регионального исторического процесса. В обобщающей истории республики должен быть осуществлен синтез национальных историй ее народов. Сложность научного решения соответствующих задач усугубляется давлением факторов, отражающих этнополитические коллизии начала 1990-х гг. Базовыми для дискуссий того времени оказались глубинные исторические и эмоционально-психологические коннотации понятия «этническая территория», рассматриваемой как «колыбель» и неотъемлемое достояние того или другого народа. С одной стороны, постулировалось: «Балкарцы, до появления кабардинцев на Центральном Предкавказье, были единственным коренным населением этого края. Именно на нынешней территории Кабардино-Балкарии балкарцы сформировались как этнос. Ни один другой народ не может сослаться на Кабардино-Балкарию как территорию своего зарождения и формирования» [Об этнической... 1992: 6]. С другой – утверждалось: «В исторической науке бесспорным является тот факт, что древнейшим автохтонным населением Северного Кавказа (от берегов Черного моря и до современной территории Чечено-Ингушетии) являлись древнеадыгские племена – носители т.н. майкопской раннебронзовой культуры (III тыс. до н.э.). Позднее существовавшие на Северном Кавказе культуры эпохи бронзы – «северокавказская» (II тыс. до н.э.), кубанская и прикубанская (I тыс. до н.э.) – обнаруживают прямую генетическую преемственность от майкопской культуры и поэтому можно считать также древнеадыгскими» [Комиссия пришла... 1993: 2].

Латентное присутствие подобных представлений в сознании этнонациональных активистов обнаруживается каждый раз вместе с возникновением вопросов этнополитического звучания. В региональном общественном дискурсе сохраняется такое видение прошлого, в котором кабардинский и балкарский народы выступают в качестве субъектов только «своей собственной» истории, а Кабарда и Балкария в качестве сугубо самостоятельных этнополитических образований. Тем самым создается некоторое расхождение и напряженность между единым «республиканским» политико-правовым и социальным контекстом, в котором сегодня осуществляют свою жизнедеятельность все национальные группы населения и доминированием в их историческом сознании «множественного», этнически сегментированного образа прошлого. История Кабардино-Балкарии как региона лишается собственного предмета. Но тогда и ее настоящее предстает формой без содержания, а будущее оказывается под вопросом. Автор вышедшего в 2020 г. вторым изданием историко-публицистического фолианта настаивает, что до 1922 г. не существовало самого понятия – Кабардино-Балкария, не существовало территориальной единицы – Кабардино-Балкария, а создание объединенной Кабардино-Балкарской автономной области в 1922 г. было исторической ошибкой. На повестке дня, по его мнению, стоит вопрос об исправлении этой ошибки – восстановлении Балкарии и Кабарды, которые существовали до 1917-1922 гг. [Кучуков 2020: 583, 584].

При этом до сих пор отсутствует авторитетный исторический текст, связывающий воедино прошлое и настоящее региона и его народов – обобщающая

история Кабардино-Балкарии. Ключевое значение на подступах к ней имеет выработка свободной от этноцентризма и убедительной научной трактовки вопросов «начала» истории региона, соотношения процессов этногенеза народов республики и регионогенеза Кабардино-Балкарии как исторической области.

Обобщающая история как познавательная форма всегда представляет собой определенное «прочтение», интерпретацию накопленной в науке совокупности конкретных результатов исследования данного объекта. Цель настоящей статьи заключается в прочтении основных результатов изучения проблем этнической и этнополитической истории народов Центрального Кавказа в эпохи древности и средневековья под определенным углом зрения: поиска путей достижения обобщенного, научно фундированного и социально приемлемого представления генезиса Кабардино-Балкарии как исторической области.

Центральный для данной темы вопрос о соотношении процессов этногенеза и регионогенеза в истории Кабардино-Балкарии, насколько мне известно, никогда не ставился в качестве самостоятельной исследовательской проблемы. В силу этого не приходится говорить о состоянии ее изученности. С другой стороны, практически вся историко-археологическая, историко-этнографическая и собственно историческая литература по тематике древней и средневековой истории региона так или иначе релевантна поставленной проблеме и представляет собой материал для ее анализа. Охватить его в полном объеме в рамках статьи было невозможно, и задача заключалась в том, чтобы осуществить своего рода репрезентативную для современного состояния исследований «выборку» работ для непосредственного рассмотрения. При решении этой задачи я ориентировался на работы, которые в совокупности охватывают все основные этапы и аспекты этнической и этнополитической истории Центрального Кавказа эпохи древности и средневековья; не ограничиваются сугубо специальными и частными вопросами, а предлагают решение более общих проблем; содержат материал и выводы, непосредственно касающиеся этногенеза народов Кабардино-Балкарии и ее становления как исторической области. При этом я стремился избегать обсуждения дискуссионных сюжетов по существу, ограничиваясь представлением существующих интерпретаций, поскольку конечная цель заключается не в выборе из них какой-то предпочтительной, а в их обобщении.

Отдельно следует остановиться на методологических проблемах изучения предмета настоящей статьи. Прежде всего, существует сильная взаимосвязь между методологическими основаниями обзорной статьи и принципами построения регионального исторического нарратива. И в том, и в другом случае речь идет о некотором «прочтении» совокупности результатов научных исследований в области истории региона. Отсюда – единство требований к обеспечению научной объективности для того и другого исторического жанра. В частности, для обоих жанров имеет силу то понимание объективности, которое было разработано немецким методологом Й. Рюзенем по отношению к историческому нарративу. Во-первых, если понимать объективность как вопрос отношения интерпретации к фактам, к исторической реальности, она в обоих жанрах опосредована аутентичным представлением состояния научных знаний об этой реальности, упомянутым выше адекватным их «прочтением». Во-вторых, если

понимать объективность как интересубъективную значимость исторической интерпретации, она в обоих жанрах выражает отношение к культурному и социальному контексту, внутри которого интерпретация строится, к которому она адресована и служит ориентации практической жизни [Rüsen 2005: 69-70]. Этот аспект понятия объективности выступает на первый план в контексте рассматриваемой проблемы.

В практическом плане интересубъективная значимость (объективность) исторического нарратива достижима при сознательной опоре на те культурные факторы, замечает Й. Рюзен, которые позволяют людям регулировать различия и напряженности в процессе формирования идентичностей. Поскольку всякая идентичность имеет частный характер, такое регулирование должно базироваться на универсальном основании. Таким основанием служит категория равенства. По отношению к многообразию идентичностей категория равенства выступает как нормативный принцип взаимного признания и признательности различий в культуре [Рюзен 2001: 25]. Объективированно-рациональной формой воплощения этого принципа является система конституционно-правового регулирования межличностных и социальных отношений в современном обществе. Речь здесь идет не о реальном состоянии этих отношений, а об официально принятой обществом системе принципов и норм, закрепляющих равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения и любых других обстоятельств. Они воплощают не простое продолжение местной социокультурной и политической традиции, а ее качественное обновление. В своей идеальной-типической ипостаси они выполняют методологическую функцию, позволяя проследить как должны трансформироваться прошлые образцы деятельности, чтобы быть включенными в современные условия. Прошлое остается в прошлом, но наделяется другим будущим [Rüsen 2005: 76]. Никакие притязания, основанные на опыте прошлого, не могут включаться в опыт настоящего в нарушение принципа равенства.

В теоретическом плане интересубъективная значимость (объективность) обеспечивается использованием четко сформулированных концептуальных средств, а не метафор. Это придает интерпретации ясность и прозрачность, позволяющую выстраивать, подтверждать либо опровергать аргументацию [Rüsen 2005: 76]. Для случая обобщающих или обзорных построений это означает, что в конечном счете их результаты обусловлены теоретическими средствами дисциплин, в рамках которых были получены обобщаемые результаты – археологии, антропологии, этнографии, лингвистики, истории. Их теоретические принципы и положения входят в методологический арсенал обобщающих работ «по умолчанию». Но есть необходимость обозначить те элементы дисциплинарных методологий, которые представляются наиболее существенными в контексте данной статьи и которые в явном виде не учитываются в большинстве работ по региональной истории.

Первый из них относится к современным представлениям о содержании понятия «археологическая культура» и его соотношения с этносом. В научной традиции предполагалось, что археологическая культура есть материальное выражение реальных групп и народов. В последние десятилетия все более утвер-

ждается точка зрения на археологическую культуру не как материальное выражение реальных групп и народов, а как на аналитическую категорию, предназначенную для описания типологически близких между собой групп памятников [Крадин 2009: 10]. Поскольку археологическая культура является в строгом смысле формальным, классификационным понятием нельзя говорить о ее совпадении с социальной общностью. Правоммерно, скорее, рассматривать археологическую культуру как научную конструкцию, соотносимую с социальной общностью. Социальные общности в археологии обычно отождествляются с этносом, но есть ещё и этно-социальный организм, и социальный организм, и группы, принадлежащие к одному хозяйственно-культурному типу. Таким образом, всегда существует хотя бы несколько потенциальных возможностей интерпретации конкретной археологической культуры [Классификация... 2013: 131, 134, 135]. Для географически масштабных археологических культур все чаще применяется понятие культурно-историческая общность (КИО). Когда говорят Майкопская, Северокавказская, Кобанская культурно-историческая общность, подразумевают как наличие общих элементов и типологических черт, так и вариативность культурных комплексов в ареале этих культур. Но и это понятие подвергается критике, поскольку в археологии термин «общность» подразумевает, как правило, общность этническую, тогда как напрямую переходить от археологических культур к этнографическим общностям невозможно, полагал Л.Т. Яблонский: «Неодушевленные «археологические культуры» никак не могут образовывать общности, как их не могут образовывать даже совершенно однотипные горшки или мечи, по природе своей не обладающие социальными характеристиками» [Яблонский 2013: 36, 37]. Общий вывод из этих положений заключается в том, что этноязыковая атрибуция археологических культур должна осуществляться с большой осторожностью.

Второй, существенный для интерпретации процессов этногенеза и регионотенеза в истории Кабардино-Балкарии, но мало учитываемый в литературе методологический момент, касается соотношения потестарно-политических структур и этнических общностей и процессов. Л.Е. Куббель специально исследовал соотношение потестарных или политических структур и этнических общностей феодальной эпохи в процессе общественного развития [Куббель 1988: 164-189]. Его концепция строится на основе предложенного Ю.В. Бромлеем различения этноса как культурно-языковой общности людей, характеризующейся сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этникос) и этносоциального организма как совокупности людей одной этнической принадлежности, входящих в состав отдельного социального организма (ЭСО). Такие образования наряду с этнической (прежде всего культурной) обычно обладают территориальной, экономической, социальной и политической общностью [Бромлей 1983: 58-59; 62-63]. Л.Е. Куббель показывает, что потестарные или политические структуры выступают в качестве того ядра, вокруг которого консолидируется ЭСО. Они играют роль арматуры, скрепляющей этот ЭСО, и тем самым выполняют очень важную этническую функцию. Потестарная или политическая организация обеспечивает рамки, регулирующие функционирование ЭСО

и при его укрупнении, и при его разделении. В первом случае само расширение ЭСО, тем более его единство в новых рамках, особенно на первых порах, немислимо вне достаточно эффективной структуры власти. А при разделении той или иной этнической общности на более мелкие единицы образующиеся новые, «дочерние» общности точно так же нуждаются в какой-то организационной структуре, которая одна только и могла им позволить функционировать в качестве самостоятельных ЭСО [Куббель 1988: 170-171]. На основе одного этника могут возникнуть несколько ЭСО, что представляется достаточно очевидным применительно к адыгскому и карачаево-балкарскому этносам/этносам. Может ли генезис Кабарды и Балкарии быть описан и объяснен как сугубо этнический процесс (парциации, сепарации, сегментации) или первичным следует считать становление особой социальной и потестарно-политической организации на данной территории?

Здесь возникает третий, методологически значимый для целей этой статьи момент – пространственный подход в археологических и исторических исследованиях. Его актуальность для истории Кабардино-Балкарии обусловлена тем очевидным обстоятельством, что она представляет собой именно пространственное образование – этно-социо-пространственную единицу исторического процесса. В современной литературе обосновывается фундаментальный характер пространственного подхода в археологии и этнической истории, поскольку только географическая территория действительно может являться ареной формирования культурных общностей или их распада. Поле археологии, отмечал Л.Т. Яблонский, является структурирование и характеристика материальной и духовной культуры историко-культурных областей, то есть понятий географических [Яблонский 2013: 37]. В более общем смысле говорят о «пространственном повороте» мировой историографии, что выдвигает на передний план ее научных интересов историю субнациональных и транснациональных регионов [Репина 2019]. Пространственный подход определил сам объект и предмет данной статьи. Объектом ее является регион, который в литературе получает двойное обозначение – «Центральное Предкавказье» или «Центральный Кавказ». Их географические рамки определяются практически одинаково. Согласно В.Б. Ковалевской, географически в Центральное Предкавказье принято включать Кубанско-Терское междуречье: на западе его границей является Уруп, на севере – степи Ставропольщины и Ставропольская возвышенность, на востоке – современная граница с Дагестаном, на юге – Кавказский хребет [Ковалевская 1981а: 83]. В.А. Кузнецов определяет Центральный Кавказ, как территорию между реками Большая Лаба на западе и Аргун на востоке, которую в кавказоведении принято членить на три зоны – степное Предкавказье, предгорная равнина, горный Кавказ [Кузнецов 1997: 161]. Предметом анализа является современное состояние и проблемы изучения в научном кавказоведении этнических и этнополитических процессов в этом регионе в древности и в средние века с точки зрения перспектив обобщенного представления процессов формирования кабардинского и балкарского народов и становления исторической Кабардино-Балкарии.

Древность: этнос и археология

В рамках академического дискурса наиболее ранние этапы этногенеза адыгов и карачаево-балкарцев возводятся к носителям археологических культур бронзового века на Северо-Западном и Центральном Кавказе.

Прежде всего, это майкопская культура раннебронзового периода. Дело не только в том, что для Западного и Центрального Кавказа она была главенствующей в соответствующую эпоху (Карта 1). В традиции отечественной археологии ее памятники рассматриваются в качестве реальной подосновы древностей средней бронзы. Генетическую связь майкопской культуры с северокавказской культурно-исторической общностью II тыс. до н.э. признают ведущие специалисты (В.И. Марковин, А.А. Формозов, Р.М. Мунчаев, И.М. Чеченов, А.Л. Нечитайло). В свою очередь, племена северокавказской культуры не исчезли в последующее время. По мнению И.М. Чеченова, В.Б. Виноградова, В.И. Козенковой и др. прослеживаются элементы ее трансформации в кобанскую культуру [Марковин 1990а: 107, 108].

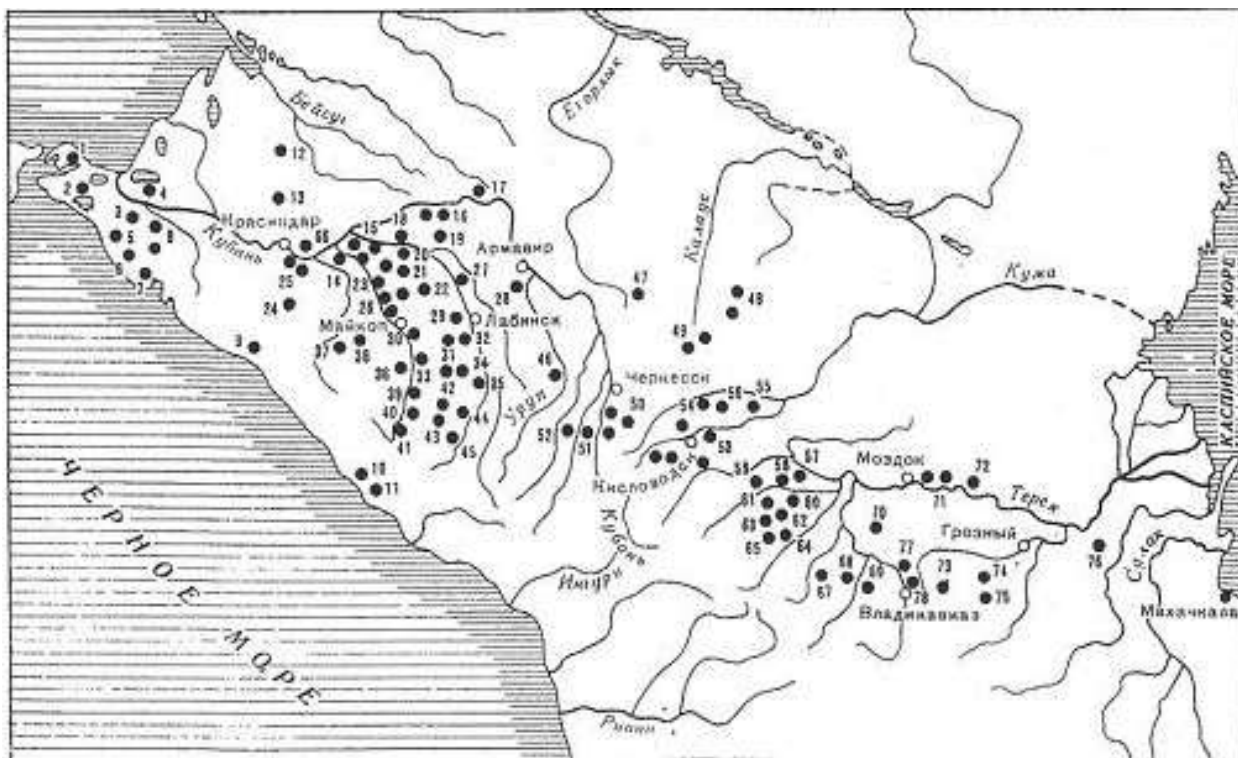
Отметив в работе 1994 г., что хронология майкопской культуры остается неразработанной, Р.М. Мунчаев полагал, что она может быть датирована от конца IV до третьей четверти III тысячелетия до н.э. [Мунчаев 1994: 171]. В более поздней литературе приводится датировка с начала IV до начала III тысячелетия до н.э. (3900-2900/2800 гг. до н.э.), причем это рассматривается лишь как вероятностный диапазон ее существования, а не конкретное календарное время¹ [Кореневский 2004]. В.И. Марковин и Р.М. Мунчаев в работе 2003 г. обозначают как ранний этап развития майкопской культуры конец IV – первую половину III тысячелетия до н.э., когда ареал этой культуры ограничивался северо-западной и центральной частью Северного Кавказа. Но уже к середине III тысячелетия до н.э. майкопские племена еще шире осваивают данные области Предкавказья и проникают на смежные территории, в частности, в Северную Осетию, Чечню и Ингушетию. Исходя из общей концентрации памятников, авторы выделяют как наиболее густо заселенные области Северного Кавказа в III тысячелетии до н.э. Прикубанье и Кабардино-Пятигорье, особенно бассейны Кубани и ее притоков, а также Баксана, Чегема и других рек [Марковин, Мунчаев 2003: 53].

Еще в середине 1970-х гг. Р.М. Мунчаев показал, что майкопская культура «двуприродна». В ней есть сугубо местный элемент, восходящий к предшествующим эпохам. Вместе с тем в ней присутствует и другой элемент, который, является результатом несомненных переднеазиатских влияний. Это, по всей вероятности, и стимулировало наблюдаемый во второй половине III тыс. до н.э. культурный подъем на Северном Кавказе [Мунчаев 1975: 413]. Предполагается, что на рубеже или в самом начале III тысячелетия до н.э. на Северный Кавказ начали проникать отдельные группы населения из Ближнего Востока [Марковин, Мунчаев 2003: 78]. Несомненная связь Майкопской культуры с культурами Ближнего Востока – от Северной Месопотамии до Восточной Анатолии отмечается в посвященной ей статье Ю.Ю. Пиотровского в Большой российской

¹ Пиотровский Ю.Ю. Майкопская культура (2011) [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия: сайт. URL: <https://bigenc.ru/archeology/text/2164133> (дата обращения 06.07.2022).

энциклопедии¹. С.Н. Корневский констатирует, что справедливость тезиса Р.М. Мунчаева о многокомпонентности майкопско-новосвободненской общности как сложного и неоднородного явления только подтверждалась в дальнейшем новыми материалами [Корневский 2004: 92].

Карта 1. Памятники майкопской культуры

Источник: [Мунчаев 1975: 171]

Наряду с этим в археологической литературе обсуждается вопрос о локальных вариантах майкопской культуры. Выделялись варианты западный (прикубанский) и восточный (терский) [Чеченов 1974а: 60, 61], прикубанский, терский и степной [Нечитайло 1991: 13, 15]. В.А. Трифонов систематизирует памятники майкопского круга в рамках культурно-исторической общности, развивающей три основные традиции – майкопскую (усть-джегутинскую), западнокавказскую и новосвободненскую [Трифонов 1991а: 28-29]. Рассмотрев этот вопрос с точки зрения локализации круговых керамических форм, а также иных бытовых предметов майкопцев, С.Н. Корневский пришел к выводу о возможности выделения четырех вариантов: галюгаевско-серёгинского, псекупского, долинского, новосвободненского, но эта типология пока не общепризнана [Корневский 2004: 49-63].

Е.И. Крупнов соотносил майкопский, «северо-западный» вариант археологических культур эпохи ранней бронзы с западнокавказской, «абхазо-адыгской» группой кавказских языков [Крупнов 1964: 40-41]. В пользу этого говорили территориальная близость ареала майкопской культуры и зоны расселения современных народов, говорящих на абхазо-адыгских языках [Корнев-

¹ Пиотровский Ю.Ю. Майкопская культура (2011) [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия: сайт. URL: <https://bigenc.ru/archeology/text/2164133> (дата обращения 06.07.2022).

ский 2004: 7]. В историко-этнографической литературе воспринималось как установившееся в науке мнение то, что майкопцы – далекие предки именно адыгов [Федоров 1983: 29].

Археологи высказывались об этнической принадлежности майкопской культуры с осторожностью. Р.М. Мунчаев полагал, что ее «местный элемент» возможно отражал местный этнический массив, говоривший на западно-кавказских языках, а другой ее элемент, по всей вероятности и стимулировавший общий подъем второй половины III тыс. до н.э., связан с пришлыми племенами. Надежными данными для ответа на вопрос об их этноязыковой принадлежности, по оценке автора, на тот момент наука не располагала. Все же он допускал, что майкопские племена в целом сыграли определенную роль в дальнейшем этногенетическом развитии населения Кавказа и в частности Северо-Западного Кавказа [Мунчаев 1975: 413, 415].

В 1980-х гг. в работах Н.А. Николаевой, В.А. Сафронова, А.Д. Резепкина, И.М. Мизиева были выдвинуты гипотезы относительно этнической атрибуции майкопской культуры, которые связывали ее с носителями индоевропейской, семитской, тюркской групп языков, основываясь на археологических или лингвистических аргументах [Мизиев 1986; Мизиев 1990; Николаева 1987; Резепкин 1989; Сафронов 1989; Сафронов 1990]. В дискуссии 1990 г. на страницах журнала Советская археология и в последующих публикациях эти гипотезы были подвергнуты критическому анализу и оценке [Марковин 1990а; Марковин 1990b; Марковин 1996; Мунчаев 1994; Корневский 1990; Чеченов 1990].

Резюмируя содержание семитской, тюркской и индоевропейской версий в работе 1994 г., Р.М. Мунчаев отмечал: получается, что в эпоху ранней бронзы на Северном Кавказе обитали представители всех крупных языковых семей, кроме кавказской. Где же жили в это время коренные народы Северного Кавказа, в частности абхазо-адыгские племена? Или они тогда вообще не существовали? В таком случае, когда они появились на Кавказе и откуда? Если даже не принимать во внимание остальное, только постановка данных вопросов, подчеркивал Р.М. Мунчаев, заставляет скептически относиться к упомянутым выше выводам и гипотезам. Вместе с тем он оговаривал, что нет ни одного памятника, в котором зафиксирован язык (или языки), на котором, возможно, говорило население Предкавказья в эпоху ранней бронзы [Мунчаев 1994: 165-166].

В работе 2004 г. С.Н. Корневский вслед за некоторыми лингвистами [Дыбо 1994] выразил скептическое отношение к отождествлению археологической культуры прямо с языковым мононосителем. Он соглашался, что среди существующих гипотез об этноязыковой принадлежности носителей майкопской культуры наименее подвержена критике абхазо-адыгская и хаттская версии, но указывал на большую сложность их подтверждения в связи с глубокой древностью исследуемой культуры и с неясностью критериев в однозначной правоте подобного предположения. Для него представлялось ясным, что племена майкопско-новосвободненской общности говорили на одном из широко распространенных на Северном Кавказе языков, но каком? [Корневский 2004: 97, 98]. В обзоре актуальных проблем изучения майкопской культуры, опубликованном в 2008 г., С.Н. Корневский не включил в их число проблему этноязыковой атрибуции [Корневский 2008].

Современная лингвистика исходит из того, что существовал общий северокавказский праязык, язык-основа или отдельная надсемья. В концепции С.А. Старостина она распалась на праабхазо-адыгский и пранахско-дагестанский около середины VI – начала V тыс. до н.э. [Старостин 1985: 74-94]. Согласно новейшей работе А.С. Касьяна единственный возможный претендент на майкопскую культуру – это носители северокавказского праязыка. По его оценке, северокавказский праязык разделился на восточнокавказскую и западнокавказскую ветви около 3800 г. до н.э. Это совпадает с принимаемой им датировкой возникновения майкопской культуры: предмайкопская культура Мешоко 4500-3850 до н.э., майкопская – 3850-3300 и продолжающая ее новосвободненская культура 3300-2500 до н.э. В свою очередь западнокавказский праязык разделился на абхазо-абазинскую, убыхскую и адыго-кабардинскую ветви около 650 г. до н.э., т.е. значительно позже времени существования майкопской культуры [Касьян 2015: 42, 43, 180]. С.А. Корневский полагает, что наличие существенных различий в керамическом комплексе майкопско-новосвободненской общности, служит показателем ее гипотетической этнокультурной неоднородности, и не исключает полиязычности населения, наличия у него диалектов какого-то древнего одного или нескольких языков [Корневский 2004: 98]. Однако в новейшей обзорной работе, посвященной этногенезу и этнополитической истории Северного Кавказа, авторы воспроизводят ранее высказанные положения о том, что еще в майкопское время вместе с понтийским типом праадыгские диалекты могли распространиться на восток вплоть до Чечни (элементы адыгской речи отложились в нахском языке), что в Северной Осетии (Дигории) понтийский антропологический тип сохранялся еще в средние века, а абхазо-адыго-осетинские сходства в области языка и культуры достаточны, чтобы говорить об общей этнокультурной основе [Великая и др. 2019: 116].

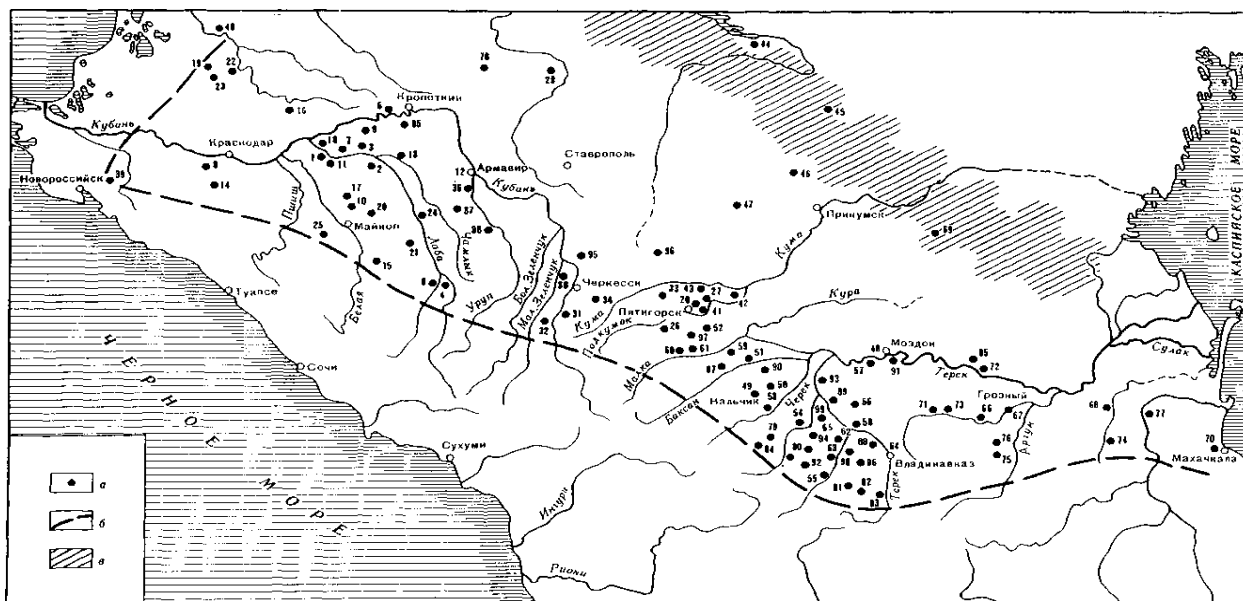
Общность археологических памятников среднего бронзового века, охватывавшая значительную часть Северного Кавказа обозначают как северокавказскую культуру или северокавказскую культурно-историческую общность. По-разному определяются хронологические рамки существования Северокавказской культуры. В статье Большой российской энциклопедии она датируется 2900/2800–2200 гг. до н.э.¹ Л.С. Клейн в обзорной статье для сайта Генофонд.рф датирует ее 3000/2900-1500 гг. до н.э.² Более традиционную и устоявшуюся в науке датировку 2300/2100-1400/1200 гг. до н.э. приводит автор соответствующего раздела в обобщающем труде «Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа» В.И. Марковин [Марковин 1994: 283].

Еще одна проблема связана с обширностью ареала рассматриваемой культуры (Карта 2).

¹ Северокавказская культура [2015] [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия: сайт. URL: <https://bigenc.ru/archeology/text/3544361> (дата обращения 06.07.2022).

² Клейн Л.С. Северокавказская культура (2022) [Электронный ресурс] // Генофонд.рф: сайт. URL: http://xn--c1acc6aafa1c.xn--p1ai/?page_id=10478 (дата обращения 26.10.2022).

Карта 2. Памятники северокавказской культурно-исторической общности

а - археологические памятники, б - условная граница культурно-исторической общности, в - зона стыка культур.

Источник: [Марковин 1994: 256]

Положивший начало специальным исследованиям северокавказской культуры В.И. Марковин пришел к выводу о предпочтительности ее обозначения как «северокавказской культурно-исторической общности» ввиду того, что на столь огромной территории, как Северный Кавказ с его зональными членениями не могло быть единой культуры, которая бы от края и до края развивалась равномерно и одинаково. В северокавказской общности он выделял несколько локальных вариантов (прикубанский, верхнекубанский («джегутинский»), кабардино-пятигорский, дигорский и прикаспийский), каждый из которых имеет свои характерные черты [Марковин 1994: 283]. Северокавказская культурно-историческая общность охватила всю зону предшествующих *майкопской* и *новосвободненской* культур и небольшую часть зоны *куро-аракской* культуры¹. Сходство ее памятников с предшествующей им майкопской культурой представляется ряду исследователей не чисто случайным, а, возможно, вскрывающим коренные, генетические связи. При этом оговаривается, что становление культуры северокавказской общности нельзя рассматривать только как дальнейшее развитие одной майкопской культуры. Определенное влияние на ее формирование имели и степные племена, в первую очередь катакомбной культуры, а также носители куро-аракской культуры [Марковин 1994: 258, 261]. Некоторые специалисты рассматривают сходство культуры племен, входивших в северокавказскую общность, с майкопской культурой лишь как результат сосуществования древнего населения на определенном этапе [Черных 1966: 40]. Еще одна точка зрения отвергает прямую связь северокавказской с майкопской

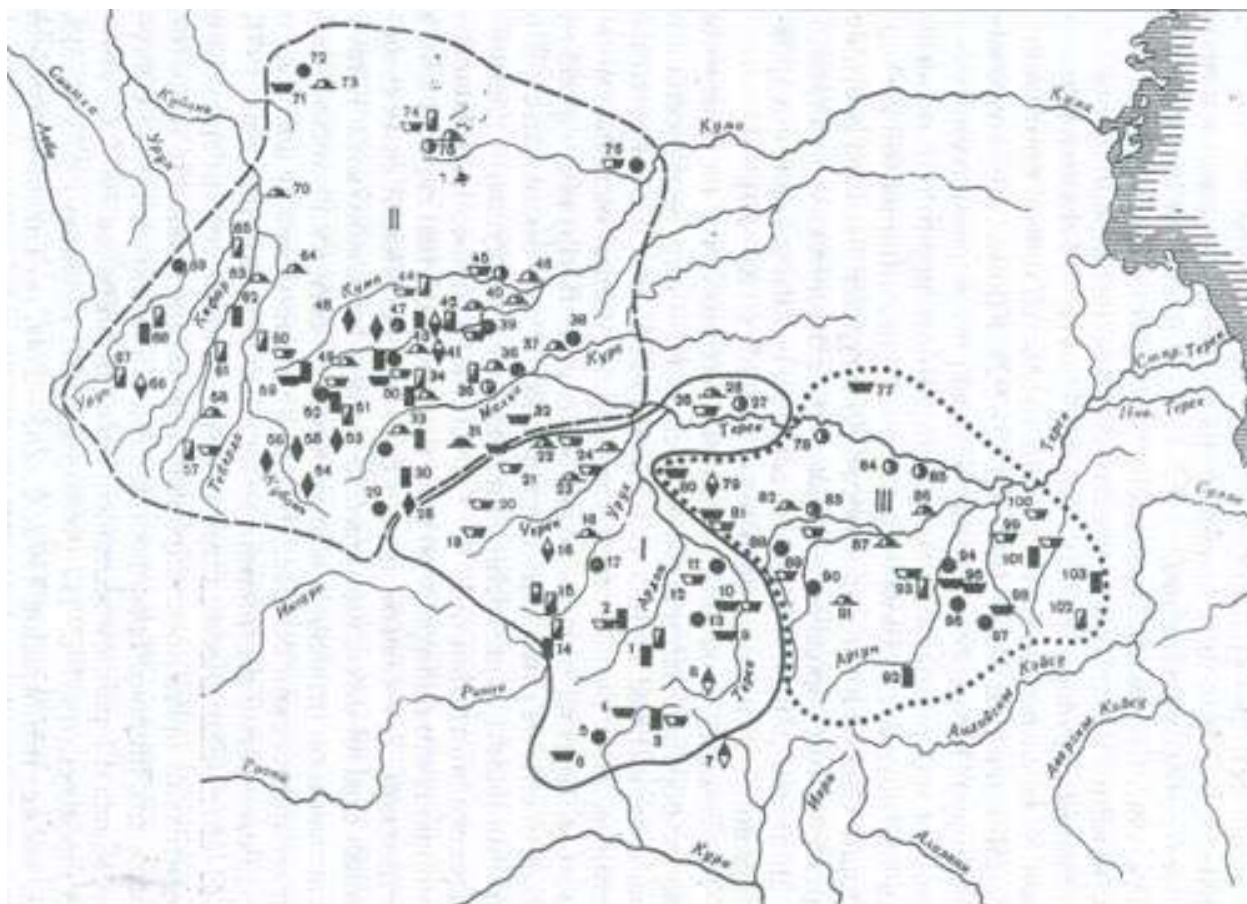
¹ Клейн Л.С. Северокавказская культура (2022) [Электронный ресурс] // Генофонд.рф: сайт. URL: http://xn--c1acc6aafa1c.xn--p1ai/?page_id=10478 (дата обращения 26.10.2022).

или новосовободненской: между ними вклиниваются ямная и новотиторовская культуры, а вне Прикубанья майкоп и северокавказскую разделила куро-аракская культура [Трифонов 1991б]. По мнению других авторов в северокавказской культуре прослеживаются лишь отдельные элементы, связываемые с майкопской культурой. Выясняется, что заметное участие в формировании культуры приняли поздние куро-аракцы, а также некоторые степные племена Предкавказья и, возможно, более отдаленных европейских территорий [Дударев и др. 2020: 40].

Что касается этноязыковой атрибуции северокавказской общности, то носителями ее вариантов (или возможных культур), согласно В.И. Марковину, являлись близкородственные племена, скорее всего, очень далекие предки современного населения Северного Кавказа. Однако сложность и динамизм этнокультурных процессов в древности делает полное сопоставление реконструируемых культурных вариантов с современным населением Северного Кавказа весьма рискованным [Марковин 1994: 285].

Для периода поздней бронзы и раннего железа наибольший интерес вызывает кобанская культура. Территориально она охватывала центральную часть Большого Кавказского хребта, по обе его стороны, от верховьев Кубани до Дагестана (территория современных Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Ингушетии, западных районов Чечни, Северной и Южной Осетии, прилегающих районов Грузии, юга Ставрополя)¹ (Карта 3). Общие хронологические рамки ее существования охватывают XIV-IV вв. до н.э. и подразделяются на четыре периода – протокобанский, ранний, «классический», поздний [Козенкова 1996]. Происхождение кобанской культуры остается дискуссионным вопросом. При этом кобанская культура на всех этапах своего развития предстает как культура автохтонного прочно оседлого населения. Ее автохтонность не исключает смещения и контактов, включения чужеродных элементов при сохранении древнего хозяйственно-культурного и этнического ядра. К концу советской эпохи в отечественной науке утвердилось представление о том, что древняя кавказская этническая общность носителей кобанской археологической культуры стала мощным субстратом в последующем формировании почти всех современных народов Северного Кавказа от Кубани на западе до Дагестана на востоке [Козенкова 1989: 265, 267]. В ареале кобанской культуры Е.А. Крупнов выделял центральный, западный и восточный варианты и рассматривал их как культуры отдельных племенных образований в рамках довольно однородного общекавказского этнического массива [Крупнов 1960: 397-398].

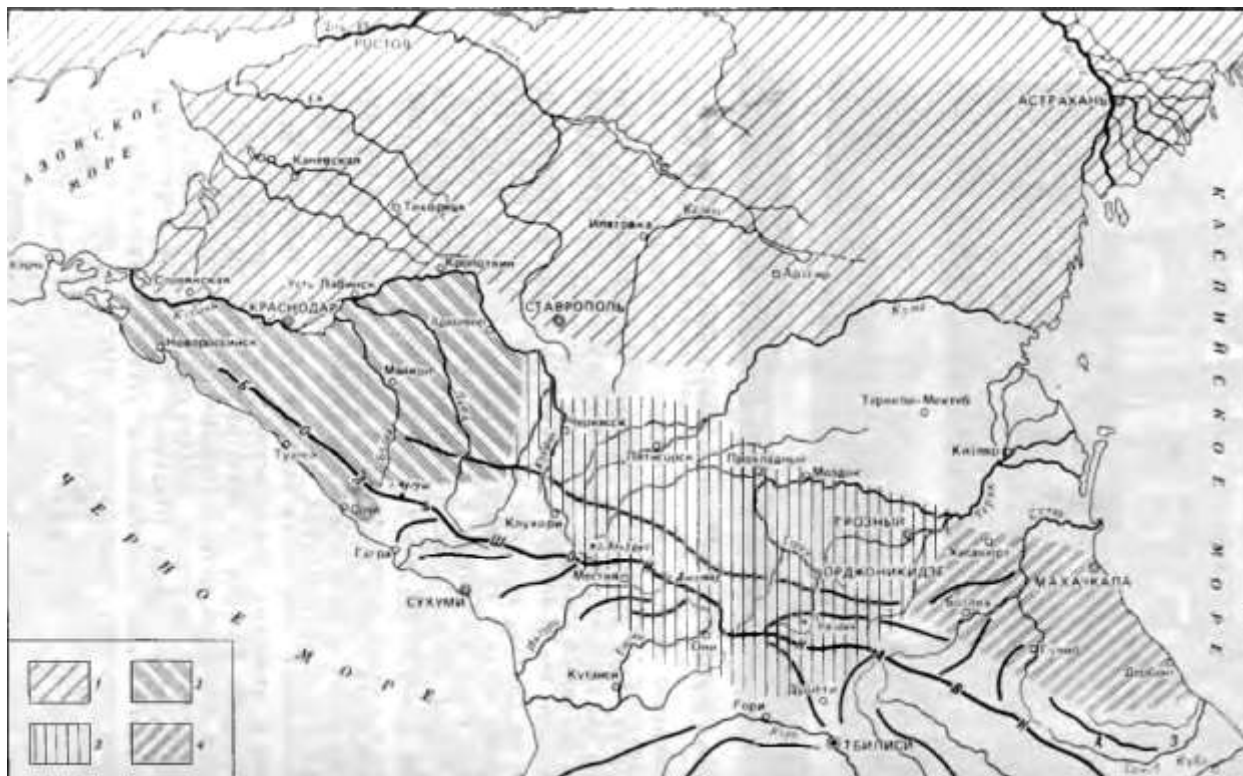
¹ Клейн Л.С. Кобанская культура (2021) [Электронный ресурс] // Генофонд.ру: сайт. URL: http://xn--c1acc6aafa1c.xn--p1ai/?page_id=10517 (дата обращения 22.09.2021).

Карта 3. Памятники кобанской культуры

Источник: [Козенкова 1989: 253].

В статье 1981 г. В.И. Козенкова показала, что памятники рубежа II-I тысячелетия до н.э. и до середины I тысячелетия до н.э. из района междуречья Баксана и Урупа следует рассматривать как памятники западного варианта кобанской культуры. [Козенкова 1981: 37-40]. В свою очередь далее с запада он граничил с ареалом, который одни исследователи рассматривают в качестве самостоятельной прикубанской культуры, а другие – в качестве прикубанского очага металлургии и металлообработки, типологически близкого к кобанской культуре. В обобщающей «Истории народов Северного Кавказа» было зафиксировано это двойственное понимание (Карта 4).

Карта 4. Схема распространения археологических культур Северного Кавказа. Вторая половина II тысячелетия до н.э.

1 – Срубная культура. 2 – Прикубанская культура. Прикубанский очаг металлообработки. 3 – Кобанская культура. 4 – Каякентско-харачоевская культура. Источник: [История народов... 1988: 59].

Западный вариант кобанской культуры ранних периодов (конец XII – середина VII в. до н.э.) занимал западную часть центрального Кавказа, в основном горно-предгорную, и водную систему Эльбруса. Его южная граница проходила по Главному Кавказскому хребту, западная – по верховьям левобережья р. Уруп, восточная – по правобережью р. Кумы и междуречью Баксана и Чегема. Центральный вариант занимал срединную часть центрального Кавказа, в основном горно-предгорную и водную систему Казбека по обе стороны Большого Кавказского хребта. Восточный вариант кобанской культуры занимал главным образом северо-восточную часть Кавказа: бассейн р. Сунжи и среднее течение Терека, очерчиваясь с севера по правобережью Терека. Западная граница расплывчато фиксируется в междуречье Ассы и Терека, а восточная – по бассейну р. Аксай, захватывая частично ее правый берег [Козенкова 1989: 254, 256, 259].

В работах В.Б. Виноградова и И.М. Чеченова было предложено более детальное членение локальных вариантов кобанской культуры. По В.Б. Виноградову они включали в себя Пятигорский; Центрально-Кавказский горный (с делением на внутренние группы: Иронскую, Дигорско-Балкарскую, Юго-Осетинскую и Сунженско-Аргунскую); Предкавказский плоскостной. Эти варианты связывались с племенами предков чеченцев и ингушей и кавказских компонентов в этногенезе осетин и балкарцев [Виноградов 1972: 184-263]. И.М. Чеченов выделил и картографировал Пятигорский, Терско-Сунженский и Гор-

ный варианты (в последний входили западная – балкарская, центральная – северо-осетинская, восточная – вайнахская и южная – юго-осетинская группы памятников) [Чеченов 1974b]. По оценке И.М. Чеченова и Б.Х. Атабиева, кобанская культура и ее локальные варианты сложились и развивались на довольно различной культурной «субстратной» основе. Горный – видимо, на основе памятников пост куро-аракской культуры конца III – первой половины II тыс. до н.э. Терско-сунжеский – на основе многочисленных памятников «северокавказской» культуры той же территории. Памятники Пятигорского (Западного) локального варианта предгорьев региона от западной части Кабардино-Балкарии до Верхнего Прикубанья очень близки памятникам предшествующей «северокавказской» культуре того же района, которые в свою очередь, территориально и, возможно, генетически связаны с дольменообразными гробницами майкопской культуры [Чеченов, Атабиев 2008].

В литературе присутствует точка зрения существенно отличающаяся от изложенных выше. В ней подвергается сомнению тезис о том, что в Центральном Предкавказье существовала единая, но состоящая из трех локальных вариантов кобанская культура. Собственно кобанскую культуру, согласно этой точке зрения представляет только ее центральный локальный вариант, западный локальный вариант – это самостоятельная каменноостско-березовская культура, родственная кобанской, а так называемый восточный вариант это отдельная культура, не связанная ни с кобанской, ни с каменноостско-березовской культурами [Фоменко 2015: 15, 16]. Памятники каменноостско-березовской культуры изучала Н.Л. Членова, пришедшая к выводу о ее связи с протомеотским памятникам и близости тех и других к степной киммерийской культуре. На этом основании она допускала, что киммерийцы – это «автохтонное население Северо-Западного Кавказа (а может быть, и восточного побережья Черного моря) и один из прямых предков абхазо-адыгов» [Членова 1984: 83]. Эта точка зрения получила некоторую поддержку в профессиональной среде, но не стала широко признанной.

В целом материальная и духовная культура современных народов центральных предгорий Кавказа (как тюркоязычных балкарцев и карачаевцев, так и ираноязычных осетин и кавказоязычных вайнахов) традиционно возводится к кобанской культуре, которая оценивается как «древнейший пласт национальной культуры современных карачаевцев, балкарцев, осетин и вайнахов» [Козенкова 1989: 267]. Однако идея кобанского субстрата, как единственно возможного, встречает возражения со стороны физической антропологии. Характеристики краниологических особенностей носителей кобанской культуры существенно отличаются от особенностей современных представителей народов центральных предгорий Кавказа [Герасимова 2013: 54]. Еще в работе 1986 г. В.М. Батчаев, возражая против сведения этнического субстрата горцев Большого Кавказа к кобанской культуре, напоминал, что окончательное формирование кавкасионского антропологического типа исследователи относят еще к началу II тыс. до н.э., а ряд так называемых «кобанских» реминисценций (склепы, каменные ящики, башенное зодчество и пр.) обнаруживают свои исходные формы еще в материалах докобанского периода [Батчаев 1986: 125].

Еще одна проблема связана с затруднительностью языковой идентификации племен носителей кобанской культуры. Л.С. Клейн подчеркивает, что данные о языке племен кобанской культуры отсутствуют, а тюркоязычие карачаевцев и балкарцев, так же как ираноязычие осетин – продукт более позднего времени¹. Будучи автохтонами кобанцы теоретически должны были говорить на каком-то северокавказском языке. Но как замечает В.Б. Ковалевская нет никаких строгих оснований, чтобы проводить в пределах Центрального Предкавказья границу между западно- и восточнокавказскими языками для той исторической эпохи, которая предшествовала появлению на Кавказе ираноязычных кочевников. Ни для разных локальных вариантов кобанской культурно-исторической общности, ни для всей общности нельзя говорить о языковой принадлежности их носителей [Ковалевская 2005: 177]. Однако И.М. Чеченов и Б.Х. Атабиев, допуская, что создатели и носители кобанской культурно-исторической общности могли принадлежать к разным этнолингвистическим группам, считали вероятным, что в ареале Пятигорского локального варианта проживали в основном племена, родственные протоадыгейской этнической группе, а в районе Горного локального варианта – протовайнахи [Чеченов, Атабиев 2008]. С.Л. Дударев и С.Н. Савенко в недавнем обзоре историографии феномена кобанской культуры касаясь проблем этнического отождествления кобанской культурно-исторической общности, констатируют, что большинство специалистов признают ее кавказские корни (адыго-абхазские, нахские, картвельские), однако оговаривают, что относительно этнокультурной атрибуции кобанской КИО «остаются вопросы» [Дударев, Савенко 2019: 76]. Наиболее адекватной современному состоянию источников В.А. Кузнецов считает версию о принадлежности кобанской культуры на всей ее территории аборигенным горно-кавказским племенам, язык которых нам неизвестен [Кузнецов 2015: 12].

Однако уже в позднекобанский период (середина VII – начало IV в. до н.э.) фиксируется резкая деформация традиционной культуры, связанная не только с овладением железоделательным и железокузнечным искусством, но начавшимся интенсивным продвижением в Предкавказье и Закавказье степных ираноязычных кочевников скифо-савроматского облика [Козенкова 1996: 101].

В советской историографии исторический процесс на Северном Кавказе с начала эпохи раннего железа (VIII в. до н.э.) и до IV в. н.э. включительно рассматривался в плоскости относительно устойчивого, преемственного развития автохтонных северокавказских культур при активных процессах иранизации Кавказа в скифскую и сармато-аланскую эпохи [История народов... 1988: 69-70]. Первоначально Северный Кавказ вошел в историю скифов как путь в Переднюю Азию, но исследователи пришли к выводу о постоянном присутствии скифов на Северном Кавказе в VII-VI и даже в VII-V вв. до н.э. [Петренко 1989: 216, 219]. Этим обусловлена глубина культурного и демографического воздействия скифов на местное население. Так, В.Б. Ковалевская находит показатель-

¹ Клейн Л.С. Кобанская культура (2021) [Электронный ресурс] // Генофонд.ру: сайт. URL: http://xn--c1acc6aafa1c.xn--p1ai/?page_id=10517 (дата обращения 22.09.2021).

ными для оценки степени скифского влияния на местное население антропологические материалы из могильника на месте слияния рр. Уллубаганалы и Эшкакон в Карачаево-Черкесии. Они демонстрируют более высокое сходство со скифскими группами Приднепровья и Причерноморья, чем с северокавказскими группами. В.Б. Ковалевская полагает, что многочисленные факты влияния скифов на местное население в долине р. Эшкакон позволяют уверенно объяснить этот факт тем, что антропологическое взаимодействие между скифскими и кобанскими племенами было настолько тесным, что первоначальный антропологический облик населения кобанской культуры растворился в массе скифских племен. Исторические свидетельства, палеоантропологии, данные лингвистики и археологический материал свидетельствуют о смешанном составе кобанского населения в VII-VI вв. до н.э. Соответственно культуру этого периода В.Б. Ковалевская считает качественно отличной от «классической Кобани» и гетерогенной, что позволяет условно определить ее как «скифокобанскую» [Ковалевская 2005: 64].

На Северо-Западном Кавказе практически одновременно со скифским проникновением на Кавказ и позднекобанским периодом на Центральном Кавказе античные письменные источники фиксируют большой массив оседлых племен меотов, занимавших обширную территорию в Приазовье и в Прикубанье. На основании археологических материалов исследователи считают, что в VII в. до н.э. – III в. н.э. меоты жили по нижнему и среднему течению Кубани, от станицы Прочноокопской до устья и в большой дельте Кубани. В I в. до н.э. – III в. н.э. часть меотов занимала также дельту Дона. Таманский полуостров и прилегающие к нему районы к югу от Кубани занимали синды. Источники дают основания и для включения их в состав в меотов, и для противопоставления им. Соответствующие позиции представлены в научной литературе. По Черноморскому побережью античные авторы указывают керкетов, торетов, зихов и другие племена, часть из которых причисляют к меотам [Каменецкий 1989: 224].

Господствующая в науке точка зрения признает меотов этносом, группой родственных племен, единых по культуре и языку. Что касается этно-языковой принадлежности меотов, то наиболее влиятельна гипотеза о том, что меоты являются предками адыгов [Каменецкий 1989: 225]. Наряду с этим некоторые авторы относят меотов к иранцам, полагая, что названия части меотских выдают их иранский характер (дандарии, аспургианы), а также на ираноязычность меотов указывает окончание «ты» в ряде их этнонимов [Лавров 1978: 39-40]. О.Н. Трубачев относил следы языка синдо-меотов к индоарийской ветви индоевропейской языковой семьи [Трубачев 1978: 35, 38]. Более взвешенные выводы делаются при подходе, который учитывает, с одной стороны, общий контекст генетической связи, существующей между майкопской культурой и культурами последующих эпох, а с другой – строится на детальной проработке проблемы. Основываясь на характеристиках памятников раннемеотского периода (конец VII – начало IV в. до н.э.) на Черноморском побережье, Р.Ж. Бетров полагал, что культура финальной бронзы имела продолжение в культуре синдо-меотов и, таким образом, протоадыгское население античной эпохи являлось прямым потомком древнейших племен – носителей бронзовых культур III-II тыс. до н. э.

Вместе с тем формирование меотов и их культуры проходило под воздействием ираноязычных киммерийцев и скифов, а может быть, в определенной степени и индоариев [Бетров 1998: 122, 130, 156-157]. В новейшей работе это положение получило развитие и конкретизацию применительно к этногенезу синдвов, который реконструируется (на материале эволюции погребальных традиций) как процесс формирования в VI в. до н.э. в районе современной Анапы новой этнокультурной общности в результате слияния прибрежного, возможно, индоарийского населения и продвинувшихся из горных районов носителей адыго-абхазского языка [Новичихин 2014: 117].

Следующий этап этнополитической истории Северного Кавказа эпохи раннего железа связан с расселением сарматов (сиракского союза сарматских племен) в северокавказских степях. Хронологически нижним рубежом сарматского этапа на Северном Кавказе являются сарматские миграции конца IV в. до н.э. На I этапе (IV-III вв. до н.э.) сарматы проникли в Прикубанье, на втором этапе (III-II вв. до н.э.) начинается процесс сарматизации Северного Причерноморья и Северного Кавказа [Ковалевская 2005: 68]. Принято считать, что натиск сарматов затронул все племена Северного Кавказа, но последствия этого давления были неодинаковыми для разных племен [История народов... 1988: 78-79].

Отмечается, что население Северо-Западного Кавказа проявляло относительную устойчивость к сарматскому наступлению [История народов... 1988: 79]. Но это не говорит об отсутствии плотного взаимодействия между ними. Во II-I вв. до н.э. сарматы переходят к оседлому образу жизни и оседают среди меотского населения. О взаимодействии свидетельствуют «меотизация» сираков: использование ими многих предметов материальной культуры меотов, заимствование обычаев и обрядов [Каменецкий 1989: 250-251]. Проникновение ираноязычных кочевников в меотскую среду сопровождалось не только их ассимиляцией местным населением, но одновременно и все возрастающей сарматизацией меотской культуры [Мелюкова 1989: 295]. В новейшей литературе высказывается мысль, что сираки и аорсы, как потомки аланы, стали одним из компонентов в адыгском этногенезе [Великая и др. 2019: 122].

В Центральном Предкавказье сарматы активно расселяются в III в. до н.э. и довольно быстро подчиняют местное население [История народов... 1988: 79]. Но ситуация была существенно дифференцирована с учетом условий различных ландшафтных зон – высокогорья, предгорий и равнин. Для последних веков до н.э. на Северном Кавказе исследователи выделяют как комплексы собственно сарматские, так и смешанные и местные. Причем, чем глубже в горы, тем меньше в местной культуре сарматских черт. Предполагается, что в горах продолжало жить местное население, сохранившее устойчивые культурные традиции, сложившиеся в кобанской культуре – и очень медленно эволюционировавшие [Абрамова 1989: 270, 271; Ковалевская 2005: 69-71]. О том, что в горные районы практически не проникали новые этнические группировки, и в них в сарматскую эпоху продолжали обитать местные племена – прямые потомки древних кобанцев свидетельствуют археологические исследования на территории Кабардино-Балкарии. В плоскостной же части Кабардино-Балкарии и всего Предкавказья уже накануне сарматских миграций процесс интеграции скифо-савроматов и позднекобанского населения находился на стадии завершения. Высказывается

предположение, что здесь фактически сложилось новое этнообразование, скорее всего, ираноязычное, но не идентичное составившим его компонентам. Этим объясняется относительно быстрая культурная адаптация сарматов в новых условиях, так что их известные памятники III-I вв. до н.э. отражают значительное влияние культуры местных племен [Керефов 1988: 91, 101, 102].

Средние века: история политическая и история этническая

Сложный состав населения и динамичные изменения в нем определили характер этноисторических процессов средневекового периода на Северном Кавказе. Представление этих процессов в литературе несет несколько основных аспектов. Один круг вопросов связан с оценкой изменений этнополитической композиции региона в результате периодического накатывания степных кочевнических волн. Другой – с определением этнического состава населения региона, его этносоциальным картографированием в периоды относительной политической стабильности. Третий – с интерпретацией культурно-языковых взаимодействий и реконструкцией процессов этногенеза современных народов Северного Кавказа.

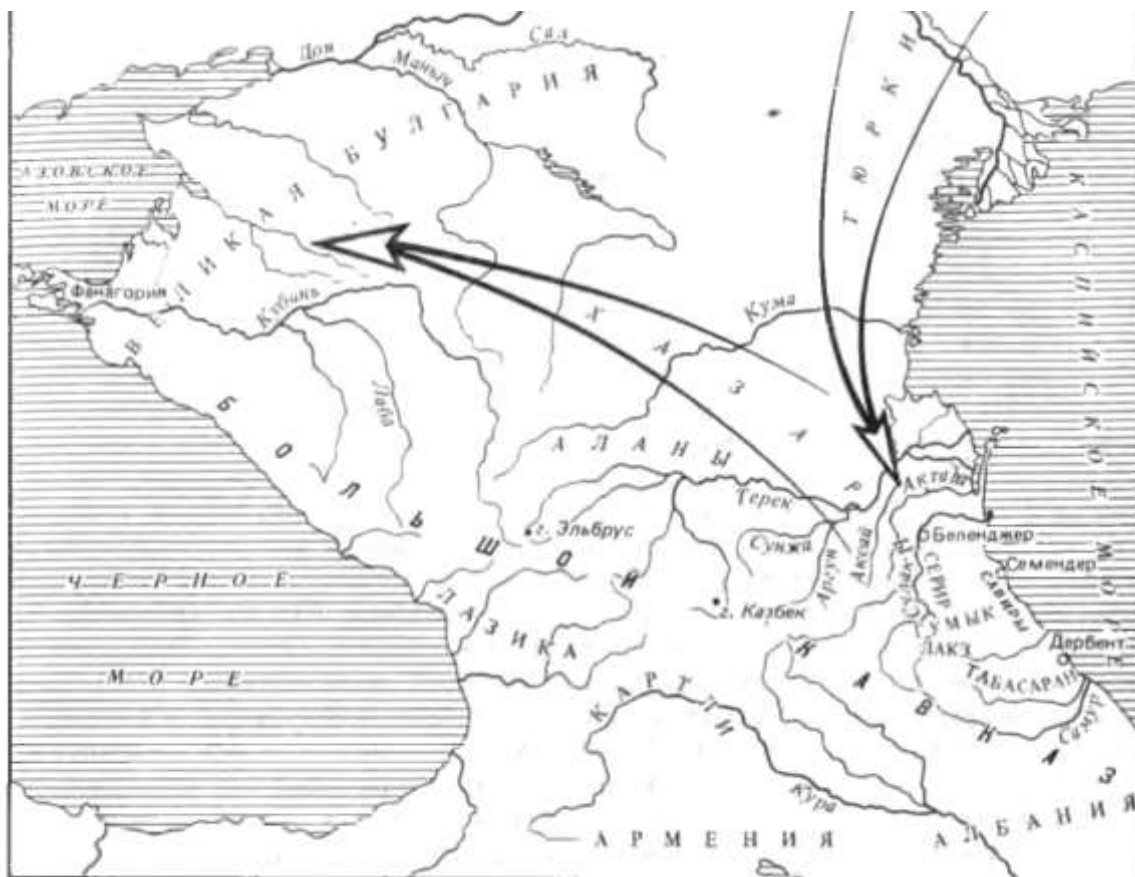
Третью и последнюю волну ираноязычных кочевников составило мощное племенное объединение алан, о которых античные авторы упоминают с I в. н.э. Но затем аланы оставались в центральной части Северного Кавказа не менее 1300 лет и на всем протяжении средневековья участвовали в этнических, социальных и политических процессах в регионе [Кузнецов 1992: 366]. Предполагается, что аланы формировались в Северном Прикаспии в рамках сарматского объединения племен III-II вв. до н.э., возглавлявшегося аорсами [Дударев и др. 2020: 117]. В литературе высказывались предположения о том, что начало проникновения алан из степей в предгорья Центрального Предкавказья и их смешения с местным населением приходится уже на I в. н.э. [Ковалевская 1981а: 83]. Другие авторы связывают массовое передвижение алан из Прикаспия и Поволжья в Предкавказье с последствиями гуннского нашествия в конце IV в. [Кузнецов 1962: 117].

Массовое вторжение гуннов в Восточную Европу и на Кавказ, начавшееся в 70-х гг. IV в., традиционно расценивается исследователями как ключевое событие для дальнейшей этнополитической истории Северного Кавказа. В итоговом для советской историографии обобщающем труде по истории Северного Кавказа подчеркивается опустошительный характер нашествия гуннов, уничтоживших часть алан, подчинение другой их части, ушедшей с гуннами дальше на запад, отступление оставшихся из степей на юг – в горные области на правобережье Терека и в верховья Кубани, тогда как в горной зоне сохранилось преобладание местных кавказских племен. На Северо-Западном Кавказе отмечается подрыв влияния меотских племен в IV-V вв. в такой степени, что их этническое название очень редко упоминается в письменных источниках того времени [История народов... 1988: 95].

Гуннское нашествие рассматривается как пролог к тюркизации региона (Карта 5). Степные пространства Предкавказья, начиная с нашествия гуннов, заполнились разноплеменными тюркоязычными кочевниками – акацирами, са-

вирами, болгарами, тюрками, хазарами и т.д., которые объединялись в недолговременные (кроме хазар) конфедерации при непрерывной борьбе отдельных племен за главенство [Ковалевская 2005: 102]. В домонгольский период на Северном Кавказе (X-XIII вв.) продолжались эти процессы – из степи шли на предгорья тюрко- и монголоязычные кочевники: сначала печенеги, а затем – с конца XI в. – половцы, наконец, в XIII в. – монголо-татары [Кузнецов 1971: 10-46; Ковалевская 1981b: 224].

Карта 5. Хазары и Великая Булгария в VI-VII вв. (по С.А. Плетневой)

Источник: [История народов... 1988: 118].

Однако имелись различия в протекании этноисторических процессов на Северо-Западном и Центральном Кавказе. Непрерывность жизни на поселениях с римского времени, сохранение традиций в ряде ремесел (в частности, гончарном) не дает исследователям оснований предполагать смену как населения, так и хозяйственного уклада на Северо-Западном Кавказе (Прикубанье и Черноморское побережье). Этот регион в раннем средневековье по-прежнему был занят массивом адыго-черкесских племен, отмечает В.Б. Ковалевская, которые больше, чем местные племена Центрального Предкавказья, определяли облик материальной культуры, несмотря на проникновение в Прикубанье с северо-востока сармато-алан, а позднее тюрков, а с запада – готов-тетракситов. Этноконсолидационные процессы в протоадыгской среде отразились в том, что в византийских источниках имя зихов или касогов постепенно полностью вытесни-

ло имена более мелких племен. В X-XIII вв. зихи были расселены на Черноморском побережье, а касоги по Кубани [Ковалевская 1981a: 90, 91, 93; Ковалевская 1981b: 224]. В археологической литературе высказывается предположение о существовании на этой территории в последней четверти I тыс. н.э. – первой четверти II тыс. н.э. единой археологической культуры. Археологический материал дает, по мнению специалистов, некоторые веские основания для отождествления носителей бытовавшего здесь кремационного погребального обряда с касогами, а его ареал совпадает со сведениями нарративных источников X-XIII вв. об их стране [Армарчук 2003: 225].

В свою очередь, этногеография Центрального Предкавказья в IV-XIII вв. претерпела более масштабные изменения, а этнокультурное взаимодействие различных групп населения носило более плотный характер и оказало более глубокое влияние на этногенетические процессы. Анализ этноисторических процессов, так или иначе, строится вокруг аланской проблемы. В V-IX вв. аланы населяли равнинные, предгорные и горные районы Центрального Предкавказья. В третьей четверти VI в. часть алан – жителей равнин и предгорий была ненадолго покорена тюрками, вскоре оставившими захваченные территории. С возникновением Хазарского каганата аланы оказываются в его тени и лишь в начале VIII в. снова упоминаются в источниках [Ковалевская 1981a: 84]. Алания X-XI вв. характеризуется уже как сильное государственное образование, территория которого простиралась от верховий притока Кубани р. Лабы на западе до р. Сулак (Дагестан) на востоке. Северные рубежи Алании пролегали примерно по среднему и нижнему течению р. Терек. [История народов... 1988: 145]. Население этой территории было неоднородным в этноязыковом отношении. Исследователи выделяют в его составе три основных компонента.

В качестве доминирующего слоя рассматривается аланский, и вся указанная эпоха рассматривается специалистами как постепенный подъем и усиление алан. Исследователи говорят о колоссальных изменениях, которые претерпел аланский этнос в период средневековья на Северном Кавказе. Из кочевников они превратились в оседлый народ с развитой земледельческой, а затем и раннегородской культурой [Кузнецов 1992: 125-126; Великая и др. 2019: 131]. Согласно основной принятой на сегодняшний день научной концепции, скифский и сарматский (аланский) языки – это разные иранские (конкретнее, восточно-иранские) языки [Тохтасьев 2005: 106; Витчак 1992: 58]. Северокавказские аланы являлись носителями северо-восточной подгруппы иранского языка. Ираноязычность алан – принятая большинством исследователей гипотеза [Коробов 2019: 36]. Культура алан включила в себя как черты материальной культуры переходивших к оседлости сармато-алан, так и ряд особенностей материальной и духовной культуры местных кавказских племен. Наряду с этим продолжались контакты с миром евразийских кочевников. Тюркюты, болгары, хазары простирали свою власть на аланские племена на разный срок, привнося в их культуру новейшие достижения в области вооружения и конского снаряжения и, в свою очередь, быстро меняя свой быт и материальную культуру при тесном общении с ними [Ковалевская 1981a: 90]. В новейшей литературе сохраняется введенное В.А. Кузнецовым представление о дуализме этнотерриториальной и этнополитической

структуры Алании, о двух племенных союзах, составлявших «Западную» и «Восточную» Аланию. Примерной границей между ними служила р. Урух. Западный племенной союз был связан с этническим наименованием асы, восточный – с наименованием аланы [Кузнецов 1962: 72-74, 123-131; Гадло 1979: 164-165; Кузнецов 1992: 216; Дударев и др. 2020: 144].

Вторым крупным этническим пластом Алании было исконное местное население – этнический и культурный субстрат, с которым аланы находились в тесных и длительных контактах. С одной стороны, исследователи отмечают, что об автохтонных племенах, с которыми близко соприкасались аланы известно очень мало [Кузнецов 1992: 219, 220]. С другой – общие характеристики состава и размещения этого субстрата представляются достаточно определенными. Археологически эта субстратная этническая среда расчленяется на три локальных варианта, соответствующих трем большим группам памятников. Западный локальный вариант охватывает верховья Кубани, центральный – в основном соответствует территории современной Кабардино-Балкарии, а восточный занимает территорию современной Осетии и Ингушетии. В каждом из них население состояло из двух основных компонентов: местного, кавказского и пришлого, иранского. Местный компонент западного локального варианта составляли адыги или этнически близкие к адыгам группы. В центральном варианте это были группы, генетически связанные с носителями кобанской культуры (непосредственно кабардино-пятигорского варианта кобанской культуры). Причем по одним археологическим признакам автохтонный слой населения центрального варианта был близок местному слою населения верховьев Кубани, а по другим, это население имело и свои специфические этнографические особенности. Местный слой населения восточного локального варианта составляли потомки носителей позднекобанской культуры, связанные генетически с центральной и отчасти с восточной группами памятников кобанской культуры [Кузнецов 1962: 68-71, 86, 114]. М. Казанский и А. Мастыкова полагают, что за постепенным оседанием алан на Северо-Западном Кавказе в верховьях Кубани, «вероятно, последовало включение в состав аланских племен коренных групп, несомненно адыгского происхождения». В Восточной Алании они также фиксировали прогрессирующее слияние политически господствующих ираноязычных групп с «несомненно вайнахским» доаланским населением [Kazanski, Mastukova 2003: 46, 126]. На аланском этапе иранизации Центрального Кавказа, отмечал В.А. Кузнецов, этнический синтез захватил не только предгорья, но и горную зону, положив конец существованию здесь гомогенных этнических групп и культур. Лишь в наиболее труднодоступных и изолированных горных районах продолжали сохраняться аборигенные горнокавказские группы, представлявшие островки реликтового посткобанского населения (например, в ущельях Балкарии) [Кузнецов 1997: 161].

Третьим компонентом в населении Алании была значительная группа тюркского происхождения. В промежутке между Терекком и Кубанью степь вклинивалась в предгорья и тюркоязычные кочевники проникали сюда с эпохи Тюркского каганата. Наиболее активное их участие в этноисторических процессах на Центральном Кавказе фиксируется с начала VIII в., когда большая

группа тюрков-болгар продвинулась со Ставропольской возвышенности на юг, в район Пятигорья, Кисловодска и вышла отсюда на правый берег Верхней Кубани и в западную часть нынешней Кабардино-Балкарии. Об этом свидетельствует комплекс археологических материалов в керамике, жилом строительстве, скальных и грунтовых захоронениях, относимых к болгарам [Кузнецов 1992: 217; Ковалевская 1981а: 89]. В целом ареал тюрко-болгарской инвазии на Центральный Кавказ на востоке был ограничен долиной р. Баксан, на западе – верхним течением Кубани. В этом ареале было положено начало контактированию и процессу этнической миксации тюрков и алан и тюркизации последних, *т.е. начало* (курсив автора – А.Б.) тюркизации и этногенеза современных карачаевцев и балкарцев. [Кузнецов 1997: 165, 166].

С середины XI в. существенный поворот в этнополитической истории Северного Кавказа связывался в советской историографии с появлением в Предкавказских степях кыпчаков. Их племенные союзы и прежде всего возникшее в степях Юго-Восточной Европы кочевое объединение половцев характеризовались как одно из наиболее сильных военно-политических объединений тюркских племен в период между гуннским и монгольским нашествиями. Первоначально имели место столкновения и борьба кыпчаков с печенегами, аланами, адыгами. Но после того как определилась граница между кыпчаками, адыгами, аланами и вайнахами по течению Кубани, Нижней Малке и Тереку (очевидно, в первой половине XII в.), установилось политическое равновесие и началось взаимное сближение, отмечали авторы соответствующей главы в обобщающей Истории народов Северного Кавказа [История народов... 1988: 149].

Археологические материалы убедительно свидетельствуют о расселении тюрков в восточном Закубанье (в междуречье Кубани и Большой Лабы) в XI-XII вв., причем речь идет не о военном вторжении, а о медленном продвижении на богатые растительностью пастбища [Минаева 1964: 189-191]. Аналогичные процессы наблюдаются и в более восточных районах Северного Кавказа, хотя их следы немногочисленны, что вызывает к жизни различные оценки. В целом, к началу XIII в. равнинная зона по оценке В.А. Кузнецова находилась в руках половцев, а земли за Кубанью и Терекком продолжали занимать оседлые адыги и аланы. К этому времени между половцами и аланами установились вполне спокойные, даже союзные отношения [Кузнецов 1971: 32].

В условиях такой многокомпонентной этнодемографической структуры Центрального Кавказа предмонгольского времени происходили процессы глубокого внутрорегионального контактирования и этнической миксации. А.В. Гадло писал о глубокой инфильтрации кыпчакского массива в коренные кавказские общности, в их структуру, политическую и экономическую [Гадло 1994: 145]. Проблема характеристики этноязыковой ситуации в регионе остается дискуссионной. Центральным ее элементом является оценка сообщений ряда арабоязычных авторов о тюркоязычии алан. Так, Абу-л-Фида в сочинении «Упорядочение стран» (1321 г.) сообщал, что к востоку от Абхазии был «город Алания», населенный народом аланов, *которые являются христианизированными турками*, а по соседству с ними живет тюркский народ, называемый ал-Ас, похожий на них по обычаям и вере [Коновалова 2009: 116]. А. Алемань

считает, что этот этноним в действительности обозначает вовсе не какой-либо тюркский народ, а часть аланов, возможно из-за их кочевого образа жизни, схожего с тюркским [Алемань 2003: 328]. Д.С. Коробов полагает, что в этих сообщениях отразился переход части собственно алан-асов с иранского на тюркский язык в X-XIV вв., из чего вовсе не вытекает изначально тюркоязычие алан. Но как результат он допускает многокомпонентность аланского языка, который, будучи иранским по происхождению, испытывал влияние окружающих массивов тюркоязычного и нахоязычного населения [Коробов 2019: 46, 47]. А.А. Туаллагов не соглашается с тезисом о многокомпонентности аланского языка и аланского этноса. Если иноэтничные – тюркские или вайнахские – элементы включались в различные аланские родо-племенные объединения, то они таковыми и оставались в них. В случае последующей языковой и культурной ассимиляции и этнической интеграции, в итоге могло произойти их полное растворение в аланском этносе. Подобные процессы имели и обратное направление, когда части алан ассимилировались в иноэтничных объединениях [Туаллагов 2020: 81].

Так, согласно В.А. Кузнецову, в каждом из локальных вариантов аланской культуры население состояло из двух основных этнических компонентов – иранского (сармато-аланского) и местного. Местное население центрального варианта, в основном соответствующего территории современной Кабардино-Балкарии, генетически было связано с носителями кобанской культуры (непосредственно кабардино-пятигорского варианта кобанской культуры) и являлось их прямыми потомками [Кузнецов 1962: 86]. Все это выходит на проблематику этногенеза карачаевцев и балкарцев. На основании комплекса признаков еще с 1950-х гг. утвердилось представление, что аланы приняли участие в сложении тюрко-язычных карачаевцев и балкарцев в качестве субстрата. Предполагалось, что мигрировавшие в горные ущелья половцы, бежавшие от татаро-монголов встретили в них аланское население, в языковом отношении близкое к дигорскому [Абаев 1960: 127–134; Соттаев 1960: 86; Лавров 1969: 68–70; Лавров 1978: 37]. По мнению Л.И. Лаврова алано-асское население нынешней Балкарии и Карачая, говорившее на дигорском диалекте, было ассимилировано тюрками, но оставило заметный след в культуре и быте карачаевцев и балкарцев – более заметный, чем соседняя Кабарда (Лавров 1969: 70). Участие алано-асского этноса в качестве субстрата в этногенезе балкарцев и карачаевцев и их дальнейшее контактирование и взаимовлияния с осетинами в течение веков рассматриваются как определенное свидетельство генетической общности и исторического родства балкарцев и карачаевцев с осетинами [Кузнецов 1992: 371]. По Д.С. Коробову процесс перехода некоторой части аланского населения на тюркский язык в достаточно поздний период – X-XI вв., вполне укладывается в представления о многокомпонентности карачаево-балкарского этноса, в сложении которого приняли участие аланские племена [Коробов 2019: 40-41]. Е.П. Алексеева полагала, что речь у Абу-л-Фиды прямо идет о карачаевцах и балкарцах [Алексеева 1971: 168]. По мнению Т.Т. Камболова, арабский историк зафиксировал переходный этап ассимиляции части алан-асов, которые уже утратили исконное иранское наречие и перешли на тюркский язык, но еще не

утратили иранскую культуру и религию. Только позднее, когда состоится и культурная ассимиляция этой аланской группы, окончательно сформируется их новая, видимо, балкаро-карачаевская этническая идентичность. Он допускает, что речь идет об ираноязычной группе *басианов*, одна часть которой впоследствии, по предположению А.В. Гадло, влилась в дигорскую часть осетинского этноса, а другая была ассимилирована тюркоязычными предками балкарцев [Камболов 2006: 161; Гадло 1979: 67].

Специалисты допускают включение аланского этнического элемента в состав адыгов. Западные районы верховьев Кубани между реками Большая Лаба и Фарс характеризуются как территория, где в течение столетий происходили ареальные контакты алан и адыгов, а население было смешанным или чересполосным. Здесь происходили смешение материальной и духовной культуры и антропологическая метисация алано-адыгского населения [Кузнецов 1992: 371-372]. Исследования могильника Мощевая Балка VIII–IX вв. на верхней Лабе демонстрируют синкретичный характер погребальной культуры. Варианты ее компонентности включают в себя алано-болгарский, алано-хазарский, адыго-аланский и др. [Дударев и др. 2020: 163-164]. В свое время Е.П. Алексеева связывала с адыгами характерные для этого региона захоронения под скальным навесом в прямоугольных каменных гробницах и в целом не сомневалась, что в период раннего средневековья адыги жили среди алан и других племен в верховьях Кубани, на р. Лаба и к востоку от нее в пределах западного варианта аланской культуры [Алексеева 1971: 99-100]. В.П. Алексеев считал, что антропологический материал из Мощевой Балки имеет смешанный вид. Популяцию, хоронившую здесь умерших, можно отнести к местному населению, вероятно испытывавшему влияние узколиких, резко долихокраничных типов [Алексеев 1974: 113]. А еще ранее он пришел к выводу, что антропологический тип, представленный в материале из Мощевой Балки, стал той основой, на которой сформировались физические особенности предков современных адыгов, оставивших могильники XIV–XVI вв. [Алексеев 1961: 219]. О невозможности уловить разницу между краниологическими вариантами, представленными местным адыгским населением и пришлым аланским и о том, что в морфогенезе кавказских алан, известных по скальным могильникам, сыграли свою роль адыгские племена писала М.М. Герасимова [Герасимова 2018: 100, 107]. В целом, согласно В.И. Кузнецову, генетические связи с той или иной степенью глубины объединяют алан не только с осетинами, но и с балкарцами, карачаевцами, адыгами, убыхами, абхазами, вайнахами. Но если для осетин ираноязычные аланы, как и кавказские субстратные племена, являются основными этноязыковыми предками, то со многими другими народами Кавказа они имели глубокие связи через свой вклад в их генофонд или длительные языковые и культурные контакты, отразившиеся в наследии как той, так и другой стороны. [Кузнецов 1992: 371-372, 374].

Равным образом считается, что внедрение массы тюрков в глубь Алании и этническое смешение их с аланами положило начало процессу этногенеза балкарцев и карачаевцев. В работе 1984 г. В.Б. Ковалевская констатировала, что генетическая связь болгар с балкарцами и карачаевцами безусловна [Ковалевская 1984: 174]. В новейших обобщающих работах важная роль болгар в этно-

генезе карачаевцев и балкарцев также признается несомненной [Великая и др. 2019: 134]. В.А. Кузнецов писал об интеграции аланского субстрата и тюркского – половецкого суперстрата на основе двуязычия и оформления тюркского койне. В результате, по его оценке, в регионе к западу и востоку от верхнего течения Кубани формируется этническое новообразование – основа балкар-карачаевского народа. В этом смысле, замечал он, балкарцы и карачаевцы являются самыми молодыми горскими народами Кавказа [Кузнецов 1997: 169]. И здесь следует обратить внимание на мысль о полиэтничности половецкого объединения, которая была высказана С.А. Плетневой [Плетнева 1982: 61]. Соглашаясь с этим, В.Н. Чхаидзе полагает, что в состав половецкого объединения племен в Подонье и Предкавказье, помимо прочего, также входили аланы и касоги [Чхаидзе 2009: 421].

Золотордынскому периоду придается особое значение для изучения проблематики этногенеза и этнополитической истории Северного Кавказа. Именно в его хронологических границах с 20-30-х гг. XIII в. и до конца XV в., по мнению многих специалистов, происходило оформление большинства современных народов региона [Дударев и др. 2020: 207-208]. В этих рамках переломное значение имели два рубежа: 1237-1240 гг., когда произошло установление господства монголо-татар над большей частью Северного Кавказа, и 1395-1396 гг., когда произошло нашествие Тимура, положившее начало необратимому ослаблению и распаду Золотой Орды.

Татаро-монгольские завоевания оценивались в советской историографии как одна из самых трагических страниц в исторических судьбах многих народов, включая народы Кавказа. Первый поход татаро-монгольских войск (1222-1223) рассматривался как разведывательный по характеру, а начало планомерного покорения Северного Кавказа татаро-монголами относилось к 1237 г. Подчеркивалось, что нашествие сопровождалось разорением городов и селений, а также массовым истреблением жителей. Для завоевания ключевых позиций в горной полосе Северного Кавказа татаро-монголам понадобилось четыре года (1237-1240). И все же татаро-монголам удалось проникнуть не во все горные ущелья, а жители разоренных районов после ухода захватчиков возвращались на свои пепелища и вновь готовились к сопротивлению. В итоге завоевателям так и не удалось добиться повсеместной покорности населения Северного Кавказа, но не уничтоженные и не покоренные при первых татаро-монгольских походах племена вынуждены были уходить в безопасные места. Происходили значительные перемещения и смешения различных этнических групп. Таким образом, отмечалось в итоговом для советской историографии труде по истории региона, татаро-монгольское нашествие в корне перекроило этническую карту Северного Кавказа и существенно отразилось на процессе этногенеза многих народов региона [История народов... 1988: 188, 193, 195, 196].

Прежде всего, исследователи говорят о прекращении существования Алании как политической системы и даже о ее катастрофе. Значительная часть территории Алании была включена в политические рамки Золотой Орды, а погром неподчинившихся или недовольных имел следствием массовые отливы аланского населения с равнин Центрального Предкавказья в спасительные горы. В

то же время предполагается, что после катаклизмов 1239–1240–1263 гг. на предгорной равнине оставались какие-то группы аланского населения, не ушедшего в горы [Кузнецов 1992: 240, 339-341].

Арабоязычный автор первой трети XIII в. Ибн-ал-Асир (1166-1238) сообщал, что татаро-монголы в 1222 г., разобшив алан и кипчаков, разгромили первых, а затем стали нападать и на вторых: «Услышав эту весть, жившие вдали Кипчаки бежали без всякого боя и удалились: одни укрылись в болотах, другие в горах, а иные ушли в страну Русских» [Тизенгаузен 1884: 25-26]. Л.И. Лавров полагал, что речь здесь может идти только о горах Кавказа и низовьях Терека [Лавров 1969: 76-77]. С.А. Плетнева полагала, что речь у Ибн-ал-Асира идет не о предкавказских половцах, а о живших вдали от уже захваченных монголами земель [Плетнева 1990: 172]. Однако вряд ли подвергавшиеся разгрому предкавказские половцы в меньшей степени, чем «жившие вдали» нуждались в убежище и естественным убежищем для них в этом регионе могли быть именно горы.

Вместе с тем авторы новейшего обзора археологических источников по этнополитической истории Северного Кавказа отмечают, что масштабы сокращения и запустения поселений предмонгольского периода в Предкавказье, которые нередко констатируются в исторических трудах, пока недостаточно исследованы и подкреплены материальными данными. Археологически же явно фиксируется, что несколько позднее во второй половине XIII и в XIV в. возрождаются и начинают бурно развиваться старые крупные аланские городища. Появляются, либо функционируют в период Золотой Орды и растут сельские поселения, обретающие потенциал превращения в крупные центры, а в степной зоне на пересечении торговых путей строятся новые «ханские» города, такие как Маджар и расположенные недалеко Малые Маджары и Верхние Маджары. Археологические показатели свидетельствуют о многочисленности, этнокультурной, социальной и поликонфессиональной сложности состава населения золотоордынских городских центров на Северном Кавказе [Дударев и др. 2020: 214, 222].

Для современной отечественной историографии в целом и для региональной в частности характерен пересмотр традиционной негативной оценки последствий не только собственно монголо-татарского нашествия, но и всего золотоордынского периода. Внимание концентрируется на последовавших после нашествия процессах формирования культурных, торгово-экономических и политических обменов, возрождении и развитии торговли. При этом оговаривается, что никоим образом и никогда не будет оправдания всему злу, разрушениям и насилию, с которым многие народы Евразии столкнулись в ходе этого нашествия [Нарожный 2017: 827]. В новейших публикациях историков региона предметом специального анализа становятся «реалии позитивного влияния золотоордынской цивилизации на экономическое, политическое, социальное и культурное развитие народов Северного Кавказа в XIII-XIV вв.». Одновременно подчеркивается, что нашествие монголов нанесло страшный удар по людским ресурсам края, но в итоге оказавшись в Орде в меньшинстве собственно монголы растворились в преобладающей массе кипчаков [Сабанчиев 2017: 64, 69, 73]. А.В. Гадло видел значение монгольского вторжения для дальнейших судеб кочевых тюркоязычных общностей Северного Кавказа не в том, что они были включены в со-

став монгольской державы и постепенно слились с пришедшими вместе с монголами родственными им тюркоязычными общностями Южной Сибири, а в том, что продолжилось их слияние с местной этнической средой, сложившейся в зоне предгорий и в горах в предшествующие столетия [Гадло 1994: 146].

При этом, как демонстрирует Х.-М.А. Сабанчиев, аланы и черкесы также были интегрированы в достаточно сложную социально-политическую организацию общества и власти в Золотой Орде. Монголы сохранили «местных царей... у алан и черкесов», признавших их власть. Они имели некоторую автономию. С помощью правителей – аланов и черкесов – ханы Золотой Орды влияли на других горцев Северного Кавказа; пытались через них опосредовать свою власть в приграничье с владениями хулагуидов, с которыми почти столетие (1262-1357 гг.) вели ожесточенную борьбу за контроль над Восточным Кавказом и Закавказьем. В пределах Золотой Орды и, видимо, под контролем ее правителей аланы и черкесы имели возможность перемещаться и располагаться в различных местах. Известно о кварталах асов и черкесов в столице Золотой Орды, об аланских и черкесских общинах в подвластном улусу Джучи Крыму [Сабанчиев 2017: 67-68].

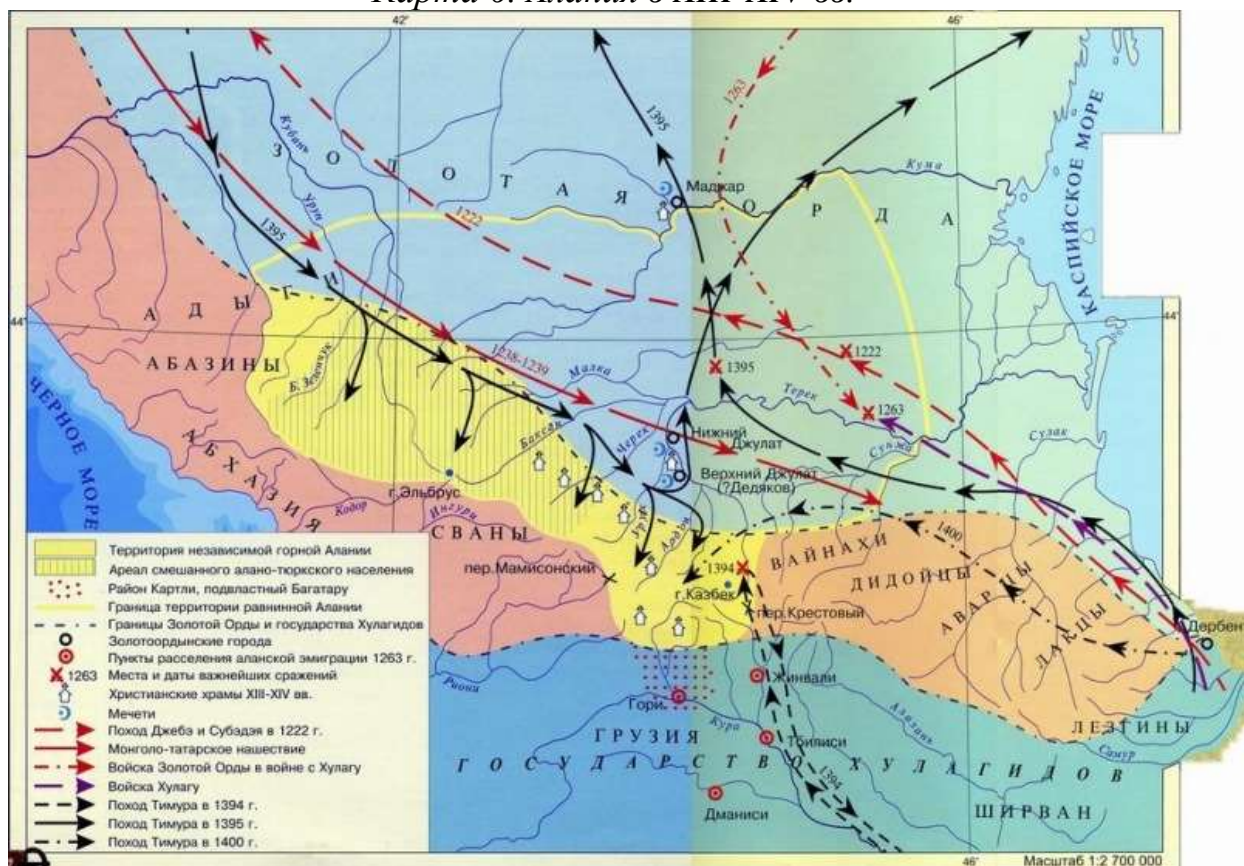
На завоеванных территориях татаро-монголы вводили воинскую повинность и заставляли местные народы участвовать в их войнах и походах [Кузнецов 1992: 341]. Это относится и к Северному Кавказу. Большая группа асских феодалов с дружинами была даже включена в лейб-гвардию великих ханов. В связи с событиями конца XIII в. впервые говорится и об адыгских воинах в армии Токта-хана наряду с русскими, кыпчаками, башкирами. Последующие ханы продолжают привлекать адыгов в свои войска вплоть до Куликовской битвы и набегов Тохтамыша [История народов... 1988: 207, 210].

В 1346–1350 гг. на территории Золотой Орды разразилась эпидемия чумы, унесшая тысячи человеческих жизней. Картина ее распространения с востока на запад, приведенная в источнике, заставляет считать, что она имела тяжелые последствия и для Северного Кавказа [Тизенгаузен 1884: 530, прим. 1]. С 1356 г. в Орде начались феодальные смуты и междоусобицы, положившие начало ее упадку [Греков, Якубовский 1950: 263-264]. В конце XIV в. разгорелась упорная борьба между среднеазиатским эмиром Тамерланом (Тимуром) и ханом Золотой Орды Тохтамышем. Северный Кавказ непосредственно затронул поход Тамерлана (Тимура) 1395 г. [Кузнецов 1992: 343].

В литературе утвердилось представление, что поход Тимура преследовал цели подрыва экономической базы Золотой Орды, разгрома основных сил Тохтамыша и ослабления Золотой Орды. Одной из основных целей похода на Северный Кавказ также являлся разгром союзников Тохтамыша в регионе из среды местных народов. Согласно наиболее влиятельным интерпретациям источников, нашествие Тамерлана отличалось от предшествующих волн кочевнических нашествий. Его военные экспедиции на Северном Кавказе продолжались восемь месяцев и охватили все этносоциальные ареалы региона не только в равнинной, но и в горной зоне [Ртвеладзе 1976; Колесникова, Бабенко 2023]. Картографическая реконструкция наглядно демонстрирует это (Карта 6).

На втором этапе похода осенью 1395 г. Тимур наносил удары по северокавказским союзникам Тохтамыша [Колесникова, Бабенко 2023: 260]. Решения вопросов локализации решающей битвы Тимура с Тохтамышем весной 1395 г. и географии действий войск Тимура на втором этапе его похода на Северный Кавказ (с осени 1395 г.) основаны на одних и тех же источниках – сочинениях Низам-ад-Дина Шами и Шереф-ад-Дина Йезди [Тизенгаузен 1941: 104-125, 144-189]. Но в литературе присутствуют существенно или в деталях различающиеся их варианты [Ртвеладзе 1976; Хизриев 1982; Криштопа 2007; Чеченов 2008; Нарожный 2010; Чеченов 2012; Колесникова, Бабенко 2019]. Преобладающей является точка зрения, согласно которой основные события второго этапа похода Тимура разворачивались на Северо-Западном и Центральном Кавказе. Первый удар был нанесен по черкесам. По предположению Э.В. Ртвеладзе, они в качестве союзников Тохтамыша участвовали на его стороне в нескольких сражениях, включая сражение 14-15 апреля 1395 г. [Ртвеладзе 1976: 111]. Одной из основных целей дальнейших походов на Северный Кавказ, по мнению И.М. Чеченова, стало также междуречье верховьев Кубани, Кумы и Терека, где сформировались три этнополитических объединения: западное (приэльбрусское), центральное (восточно-балкарское) и восточное (дигорское) во главе которых соответственно стояли упомянутые в сочинениях Низам-ад-Дина Шами и Шереф-ад-Дина Йезди лидеры Буриберди и Буракан, Кулу и Тауса, Пулад [Чеченов 2012: 403-404].

Карта 6. Алания в XIII-XIV вв.

Источник: Исторический атлас Осетии [Электронный ресурс] // Iratta.com – история и культура Осетии: сайт. URL: https://iratta.com/2007/03/04/alaniya_v_xiiiiv_vv.html (дата обращения 19.03.2023).

В качестве иллюстрации масштаба расхождений в интерпретациях источников здесь можно отметить, что движение или «рейды» войск Тимура осенью 1395 г. некоторыми авторами локализуются не в ущельях Центрального Кавказа, а на Северо-Западном Кавказе и Черноморском побережье или (после походов на черкесов и асов) – на территории Дагестана [Нарожный 2010: 43-45; Криштопа 2007: 170-172]. В последней из опубликованных на эту тему статей, авторы в целом солидаризируются с интерпретацией Э.В. Ртвеладзе и И.М. Чеченова [Колесникова, Бабенко 2023: 260, 262].

Согласно итоговым представлениям советской историографии варварские погромы Тимура принесли неисчислимые бедствия и страдания народам Северного Кавказа. Резко сократилось население, исчез ряд городов и крепостей, пришло в упадок сельскохозяйственное и ремесленное производство. При этом акцентировалось героическое сопротивление, оказанное горцами Кавказа грозному завоевателю [История народов... 1988: 217]. Но в новейшей литературе считается несомненным, что поставленные перед началом похода Тимура цели были достигнуты [Колесникова, Бабенко 2023: 263].

Для настоящей статьи интерес представляет связь золотордынского периода и описанных выше событий с формированием балкарского и кабардинского народов. В общем виде эта проблема обозначена в недавней статье Х.-М.А. Сабанчиева. Он отмечает, что так как основным населением орды были половцы, то начался неизбежный процесс кавказско-кипчакского этнического симбиоза и синтеза. Мощная миграция кипчаков с предгорной равнины в горы после нашествий монголов и Тимура составила последнюю фазу тюркизации части автохтонов Северного Кавказа. В золотордынскую эпоху был дан импульс возникновению на Северном Кавказе новых этнополитических сообществ, в частности, «образование балкарцев и карачаевцев» в результате тюркизации их предков. После нашествия Тимура начался процесс обособления восточных адыгов в отдельную народность – «кабардинцы» [Сабанчиев 2017: 73,74]. Однако относительно конкретных форм, деталей и хронологии развития этих процессов в литературе присутствуют различные трактовки.

Советская историография усматривала в совокупности данных письменных источников, лингвистики, археологии и этнографии определенные основания полагать, что одним из главных компонентов в процессе сложения карачаевского и балкарского народов стала та часть кыпчаков, которая под натиском татаро-монголов ушла в XIII в. в горы Центрального Кавказа. Предполагалось, что кыпчаки в предшествующий период ассимилировали остатки болгар и других тюркоязычных племен огузской группы. Субстратным компонентом этногенеза стали местные автохтонные племена горной зоны Центрального Кавказа и ираноязычные аланы, которые ранее и одновременно с кыпчаками оказались отеснены в XIII в. в горы Центрального Кавказа. Кроме того, определенный отпечаток на процесс этногенеза карачаево-балкарцев наложили тесные контакты и взаимовлияния с соседними кавказскими народами в последующие периоды на протяжении всего позднего средневековья [История народов... 1988: 196].

Иное представление процессов тюркизации формирования карачаево-балкарской идентичности развил в работах 1980 и 1986 гг. В.М. Батчаев [Батчаев

ев 1980; Батчаев 1986]. Во-первых, он подверг критическому анализу и отверг версию о проникновении половцев в горы именно в 1222 г. и констатировал отсутствие сколь-нибудь убедительных аргументов в пользу этой версии [Батчаев 1980: 81-84]. Во-вторых, он предложил историческую интерпретацию тюркоязычия балкаро-карачаевцев и тюркского компонента их культуры, связав их с той группой половцев, которая в период монгольского владычества была вытеснена из степи и перешла к оседло-земледельческой жизни на территории плоскостной Алании [Батчаев 1980: 95]. Решающую роль он отводил полуторастолетнему пребыванию плоскостных алан в составе Золотоордынского государства с его половецким языком и преобладающим половецким населением. Вкупе с другими обстоятельствами это не могло не привести к окончательной тюркизации алан. В-третьих, он развел процесс тюркизации плоскостных алан и становление собственно балкаро-карачаевской народности, происшедшее уже после нашествия Тамерлана, в результате которого подавляющее большинство кочевых половцев было рассеяно по степи, уничтожено или уведено Тамерланом в Мавераннахр. На прежних местах – на плоскости – остались лишь аланы, ставшие уже тюрками по языку и частично по культуре, и, возможно, какая-то незначительная часть оседлых половцев: «С появлением на данной территории кабардинцев (конец XIV – начало XV в.) часть алано-тюрок, вероятно, была ассимилирована ими, другая же, заселив ущелья Центрального Кавказа, положила начало уже собственно балкаро-карачаевской народности» [Батчаев 1986: 130-132]. Сформулированную в указанных и других работах В.М. Батчаева концепцию в новейшей публикации поддержал Х.-М.А. Сабанчиев. Согласно ей из смешанного алано-кипчакского населения плоскостной Алании сформировался новый «проэтнос» («маджары» устной традиции народов региона), который обитал в предгорьях вплоть до появления кабардинцев на Центральном Кавказе, а затем продвинулся в высокогорную зону, где ассимилировал остатки горных алан [Сабанчиев 2017: 71-72; Батчаев 1988; Батчаев 1992].

И.М. Чеченов в докладе на Крупновских чтениях в 2012 г. фиксировал, что тюркизация населения междуречья верховьев Кубани, Кумы и Терека, особенно заметно активизировалась еще с болгаро-хазарского периода (VII-X вв.) и в основном завершилась в золотоордынское время (конец XIII-XIV вв.). Поэтому алан и асов, относящихся, по сведениям авторов конца XIII-XIV вв., к «тюркской расе» (Абу-л-Фида) или упоминавшихся в связи с нашествием войск Тимура (Шахи, Йезди), он считал возможным назвать балкаро-карачаевцами, окончательно сформировавшимися как средневековая народность. При этом речь у него шла об аланах-асах занимавших до вторжения войск Тимура «зоны высокогорья и среднегорья между Дигорией и северо-западным Приэльбрусьем» [Чеченов 2012: 404]. В этом пункте он по существу солидаризировался с положениями ранее высказанными Е.П. Алексеевой, которая также находила возможным говорить с рубежа XIII-XIV вв. о карачаево-балкарской народности, занимавшей территорию у отрогов Эльбруса, на которой карачаевцы и балкарцы жили и позднее (ущелья Карачая и Балкарии), тогда как «[б]олее северные предгорные районы с рубежа XIII-XIV вв. были заселены адыгами» [Алексеева 1971: 173].

Авторы посвященного карачаевцам и балкарцам тома из серии «Народы и культуры» пишут, что с очередным притоком тюркоязычного населения в IX в. в район Центрального Предкавказья, включая предгорную и горную его части, начинают формироваться основные признаки новой этнической общности на территории самой западной части Аланского царства. Постепенное объединение тюркоязычного и тюркизированного к этому времени населения привело к образованию уже в X в. древнекарачаево-балкарской этнической общности. Согласно их концепции ко времени монгольских завоеваний карачаево-балкарское общество находилось на стадии феодальной раздробленности, выразившейся в появлении самостоятельных удельных княжеств и владений от р. Уруп до р. Урух. А в первой половине XV в. происходит стагнация социально-политического развития Карачая и Балкарии, которая была вызвана не только последствиями нашествий ордынцев, а также полчищ Тамерлана, но и эпидемией чумы во второй четверти XV в., углублением феодальной раздробленности и дроблением существующих княжеств на более мелкие самостоятельные владения [Карачаевцы. Балкарцы... 2014: 7, 37-40].

В советской историографии сложилось также определенное представление о формировании в золотордынский период предпосылок и условий обособления части адыгов в самостоятельную народность – кабардинцев. Влиятельной в этом процессе стала статья Л.И. Лаврова о происхождении кабардинцев и заселении ими нынешней территории, опубликованная в 1956 г. Его концепция заключалась в том, что причиной переселения части адыгов на восток была возросшая потребность в пастбищных землях в связи с ростом феодальных отношений и расширением феодального производства. В район Пятигорья до р. Этоко адыги продвинулись, вероятно, к X-XI в., о чем свидетельствует, в частности, т.н. Этокский памятник. В результате монгольского нашествия степная полоса Центрального Кавказа оказалась покинутой прежним населением и кабардинцы, против которых во второй половине XIII в. не было направлено острие монголо-татарской экспансии, получили возможность занять освобожденные земли. В пользу этой даты говорило, по его мнению, летописное свидетельство об убиении в городе «Титякове» (Деяков, Верхний Джулат) «под великими горами Яскими и Черкасскими» в 1319 г. тверского князя Михаила Ярославича [Лавров (1956) 2009: 167-170].

Э.В. Ртвеладзе в 1973 г. высказал ряд критических замечаний к версии о заселении кабардинцами центральных районов Северного Кавказа в XIII в. Он указывал, что равнинные районы Северного Кавказа в XIII в. не были пустыми и заселялись их новыми хозяевами – татаро-монголами, в состав которых вошла и значительная часть прежнего кипчакского населения; на протяжении ста лет с 1237 г. продолжались военные столкновения между адыгами и Золотой Ордой, и это не создавало благоприятной почвы для массовой адыгской колонизации на восток; кабардинские курганы Центрального Предкавказья не являются надежным хронологическим критерием для доказательства проживания адыгов на этой территории в XIII-XIV вв., поскольку их погребальный инвентарь не поддается точной датировке; «Черкасские горы» в рассказе русской летописи о событиях 1319 г. в Деякове можно трактовать как наименование за-

падной части Кавказских гор, в отличие от центральной их зоны («Яские горы»); письменные источники времени похода Тимура 1395-1396 гг. не называют адыгов среди племен и правителей к востоку от Кубани. Э.В. Ртвеладзе предполагал, что переселение адыгских групп в центральные районы Северного Кавказа происходило в течение длительного и более позднего, нежели вторая половина XIII в., времени. Миграции отдельных семей и даже родов могли, возможно, иметь место на протяжении второй половины XIV в., особенно в пору феодальных смут в Золотой Орде, но они не определяли положение дел. Массовое же переселение черкесов началось, скорее всего, после значительного ослабления Золотой Орды в результате поражений, нанесенных Московским княжеством и особенно Тимуром [Ртвеладзе (1973) 2008].

В 1981 г. появилась важная работа А.Х. Нагоева, исследовавшего массовый археологический материал – кабардинские курганные могильники, распространенные на всем пространстве Центрального Предкавказья от устья Лабы до Сунжи [Нагоев 1981]. Исследователь относил время возникновения основной массы кабардинских курганов на Центральном Предкавказье к XIV веку (а на его юго-восточных пределах – правобережье Терека – к концу указанного столетия). Активизацию процесса расширения адыгами своей территории на юго-восток он связывал с ослаблением могущества Золотой Орды на Северном Кавказе [Нагоев 2000: 21, 73].

В обобщающую историю народов Северного Кавказа вошло компромиссное положение, согласно которому определенные группы адыгов к концу XIII-XIV в. расселились на значительной территории предгорно-плоскостных районов Центрального Кавказа, высвободившихся от алан. Но до конца XIV – начала XV в. численность кабардинцев здесь была относительно невелика, поскольку плоскостная часть края была занята в тот период татаро-монголами и подвластными им многочисленными кыпчакскими племенами, составлявшими основную массу населения Золотой Орды. Массовое продвижение адыгов-кабардинцев на восток вплоть до р. Сунжи имело место в XV в. после бесповоротного заката могущества Золотой Орды и крайнего ослабления ее позиций на Северном Кавказе в результате опустошительных погромов армией Тимура в 1395-1396 гг. [История народов... 1988: 198, 236-237].

В дальнейшем такое видение с несущественными видоизменениями закрепились в научной литературе [Гадло 1994: 148-157; Бетрозов 1998: 208-219; Марковин, Мунчаев 2003]. Однако в 2000-е гг. появился ряд работ, авторы которых, с одной стороны, нацелены на подкрепление и развитие аргументов Э.В. Ртвеладзе о том, что переселение адыгов в районы Центрального Кавказа имело место не ранее XIV в., а с другой – делают попытки обосновать максимально поздние датировки этого процесса [Виноградов, Шаова 2003; Нарожный 2010; Голубев 2017; Схатум 2017; Дружинина 2018].

В серии публикаций и в кандидатской диссертации Е.А. Дружинина исследовала погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа как источники по истории адыгских народов. Ею был проанализирован археологический материал, имеющий более широкие географические и хронологические рамки, чем это было сделано ранее А.Х. Наговым. Это поз-

волило ей дать более детализированную периодизацию, выявить локальные и типологические варианты и эволюцию погребальной культуры в исследуемом регионе [Дружинина 2018]. Один из результатов, сформулированный автором, гласит: «В верховьях Кубани и в Пятигорье памятники XIII–XIV вв., которые можно было бы связать с предками адыгов, не выявлены. Большая часть могильников, оставленных в этих регионах выходцами из Северо-Западного Кавказа – «черкесские» и «кабардинские курганы» – относятся к XVI в.» [Дружинина 2018: 11]. Следует обратить внимание, что речь идет не о полном отсутствии в этих регионах «черкесских» и «кабардинских курганов» более раннего времени, а о том, что они составляют лишь меньшую часть изученных памятников. Исследовательница пришла к выводу, что массовое освоение адыгами районов центрального Предкавказья началось не ранее начала XV в. и обозначила фундаментальную проблему: «Наличие в курганных могильниках Кабардино-Балкарии и Пятигорья целого ряда признаков, связанных с культурой средневековых кочевников... ставит задачу поиска убедительных археологических критериев разграничения памятников кабардинцев и кочевого населения, обитавшего в этом регионе» [Дружинина 2012: 201].

Здесь еще раз подтверждается важное место рубежа XIV–XV вв. в процессе генезиса Кабарды. А что касается строгости археологических датировок продвижения адыгов на Центральный Кавказ, редакторы посмертного издания работы А.Х. Нагоева замечали, что порой даже крупные явления, хорошо известные по письменным источникам (нашествие гуннов, утверждение политического господства акациров, аваров и др.), археологически почти нейтральны. Тем более это касается малозаметных региональных перемещений и взаимопроникновений в пределах одной историко-культурной области как Прикубанье и Центральный Кавказ [Нагоев 2000: 73]. В.А. Фоменко полагает, что массовое переселение адыгов из Закубанья на восток начинается ранее XIV в., но археологически прослеживается по распространению курганов с начала этого столетия. Он также считает вероятным, что группы адыгского населения, не являвшиеся носителями типичного курганного обряда погребения, жили в верховьях Кубани и сопредельном Кабардино-Пятигорье уже в эпоху раннего средневековья, так как грунтовые могильники, каменные склепы и скальные погребения в этом регионе вряд ли являлись аланскими [Фоменко 2015: 53]. Аналогичные суждения В.А. Кузнецова, М. Казанского и А. Мастыковой приводились выше [Кузнецов 1962: 68–71; Kazanski, Mastykova 2003: 46].

Подводя некоторые итоги исследований огромного массива позднесредневековых (XIV–XVII вв.) курганов, известных как кабардинские курганы, В.И. Марковин и Р.М. Мунчаев не подвергали сомнению их принадлежность предкам кабардинцев (адыгов). Обширность зоны их распространения – от притоков Кубани на западе до бассейна Терека на востоке они связывали с расселением кабардинских племен в послемонгольское время из исконной области их обитания в Прикубанье и Причерноморье. По их оценке, максимального размера ареал расселения кабардинцев достигает в конце XV – начале XVI в., но затем, со второй половины XVI в., заметно сокращается и уже в XVII в. ограничивается в основном районами Кабардино-Пятигорья, т.е. той территорией, которую кабардинцы занимают в настоящее время [Марковин, Мунчаев 2003: 262]. Наличие же трудностей разграничения памятников кабардинцев и кочевого населения не вызывает удивления.

Само появление курганов на адыгских могильниках традиционно связывалось с влиянием средневековых кочевников (печенеги, половцы и др.), расселившихся в Предкавказье в XI в. н.э. [Дударев и др. 2020: 189]. Мнение о возникновении курганного обряда в местной среде под влиянием социальных факторов не находится с этой традицией в непримиримом противоречии [Кагазежев 2023]. Выше приводились суждения историков и археологов о полиэтничности половецкого объединения и вероятном вхождении в его состав и касогов [Плетнева 1982: 61; Чхаидзе 2009: 421]. А.В. Гадло указывал в 1994 г., что для кабардинских курганов характерны в принципе все те черты погребального обряда, которые характеризуют курганы тюркоязычных кочевников – кыпчаков и половцев, их отличием, являются, вероятно, лишь отсутствие в курганах конских захоронений и естественные локальные и хронологические вариации [Гадло 1994: 156]. В.И. Марковин и Р.М. Мунчаев в обобщающей работе 2003 г. отмечали, что культурно-исторический процесс у кабардинцев в XIV-XVII вв. протекал не изолированно, а в тесной связи и взаимовлияниях с другими народами, что делает понятным обилие общих черт в материальной культуре и погребальном обряде позднесредневековых кабардинцев и у остальных адыгских народов, а также у тюркоязычных балкарцев и карачаевцев [Марковин, Мунчаев 2003: 264]. Продуктивность однозначного утверждения принадлежности или, напротив, непринадлежности тех или иных погребений указанного периода определенному этносу с этой точки зрения неочевидна. Здесь в равной степени возможны «перекося» как в одну, так и в другую стороны и повышается влияние осознанной или неосознанной этнической ангажированности.

Э.В. Ртвеладзе в обоснование своей версии о возможном начале массового переселения черкесов уже после значительного ослабления Золотой Орды в результате поражений, нанесенных Московским княжеством и особенно Тимуром, в частности, привлек внимание к тому, что арабский автор первой половины XV в. Ибн Арабшах называет Кавказские горы «Черкесскими» [Ртвеладзе (1973) 2008: 78]. Ибн Арабшах (1388-1450), составивший свою историю Тимура в 1436-1437 гг., писал в ней: «Граница Дештской земли с юга – море Кользумское (= Каспийское), злобное и своенравное, да море Египетское, завернувшее к ним из области Румской. Эти два моря почти что сталкиваются, не будь между них гор Черкесских, составляющих между ними “грань непроходимую”» [Тизенгаузен 1884: 459]. По мнению Э.В. Ртвеладзе это отражало процесс расселения адыгских народов в это время вдоль большей части Кавказского хребта [Ртвеладзе (1973) 2008: 78]. Согласуется с этим и суждение В.И. Марковина и Р.М. Мунчаева о том, что максимальное расселение кабардинцев, когда они занимали значительную часть предгорий и равнин Северного Кавказа, приходится на самый конец XIV в. и особенно на XV – начало XVI в. [Марковин, Мунчаев 2003: 262]. В результате нашествия Тимура, констатирует В.А. Кузнецов, база Золотой Орды на Северном Кавказе была подорвана, а ее северокавказские вассалы и союзники разгромлены. По его предположению это привело к окончательной ликвидации остатков алан на предгорной равнине и к ее переходу в руки кабардинских феодалов, в течение XV в. продвинувшихся далеко на восток (до долины р. Аргун) и освоивших почти опустевшие плодородные земли [Кузнецов 1992: 346-347]. В.Б. Виноградов и С.Д. Шаова, поддерживая аргументацию в пользу более поздней датировки расселения адыгов на Централь-

ном Кавказе, говорят, тем не менее, о прочном овладении кабардинцами землями в бассейне р. Сунжа «не ранее начала XVI в.», а в середине этого столетия, отмечают они, «русские источники не оставляют сомнений в стабильности границ Кабарды, включавшей в себя и равнинные районы бассейна р. Сунжа» [Виноградов, Шаова 2003: 69]. Т.е. к рубежу XV-XVI вв., согласно этой точке зрения, кабардинцы освоили уже восточные рубежи своего расселения на Центральном Кавказе.

Однако в литературе присутствуют и иные трактовки вопроса, отодвигающие время переселения адыгов на Центральный Кавказ и, в частности, в район Пятигорья к самому концу XV в. [Схатум 2009; Нарожный 2010]. Развивая аргументы Э.В. Ртвеладзе, Р.Б. Схатум настаивает, что ни в XIII-XIV вв., ни на протяжении большей части XV в. переселение адыгов на Центральный Кавказ не могло произойти. Кабардинские могильники в рамках XV-XVII вв. не поддаются более дробной датировке. Свидетельство И. Барбаро о племени «кевертей», традиционно отождествляемого с кабардинцами, слишком расплывчато и «по мнению некоторых исследователей, нет никаких гарантий», правильности такого отождествления [Схатум 2009: 103]. Относительно локализации поименованных И. Барбаро в его «Путешествии в Тану» областей и племен (Кремуку, Кипке, Татаркосия, Собаи, Кевертеи) в литературе действительно существует широкий разброс мнений [Голубев 2017: 88-105], хотя источник достаточно ясно рисует движение от моря примерно в районе Керченского пролива вглубь материка. Этот перечень этнических названий, согласно комментарию Е.Ч. Скрижнской, «указывает на ряд племен, живших на северо-восточных предгорьях главного Кавказского хребта и на равнинах Северного Кавказа, орошаемых Тереком, Кубанью и их многочисленными притоками» [Барбаро... 1971: 153, 175]. Н.Г. Волкова полагала, что население Кремука и Татаркосии видимо было ногайским. Название области Киппике она связывала с Киппийскими (Гиппийскими) горами (Приволжская и Ставропольская возвышенности), население которых видимо не было связано с адыгами. Но в том, что «кевертеи» это кабардинцы она не сомневалась, причем относил сведения И. Барбаро к 1436 г. [Волкова 1973: 45, 49-50].

С точки зрения Р.Б. Схатума, это невозможно, поскольку предпосылки для переселения адыгов в регион Центрального Кавказа могли появиться, лишь в связи с произошедшими в последней четверти XV столетия событиями в Северном Причерноморье (вторжение турок в Крым в 1475 г, и в Черкесию – в 1479 г., а также разгром в 1498-1502 гг. Большой Орды. Последняя, по его оценке, после разгрома Тимуром улусов Золотой Орды продолжала господствовать в степных и предгорных районах Центрального Кавказа. Адыги, в свою очередь, теснимые турками и крымскими татарами в нижнем течении Кубани, вынуждены были в значительной своей массе уйти на восток, и занять в итоге Пятигорье, освободившееся к концу XV в. от татар Большой Орды, где впоследствии была образована одна из крупнейших адыгских областей Черкесии – Кабарда [Схатум 2009: 105-106].

Близкой логики в рассмотрении вопроса о времени «обретения родины» предками кабардинцев в пределах Центрального Предкавказья придерживается

Е.И. Нарожный, который заключает свой анализ тем, что переселение предков современных кабардинцев на Северный Кавказ могло произойти в промежуток времени с 1480-х гг. по 1500 г. [Нарожный 2010: 49-50]. Среди рассмотренных им свидетельств важное место занимает рассказ И. Барбаро (со слов некоего доминиканца Винченцо) о походе из Персии на Северный Кавказ шейха Хайдара (Хейдара) во главе отрядов газиев (борцов за веру с неверными). Е.И. Нарожный обращает внимание, что «И. Барбаро, повествуя о походе Хайдара (1486 г.), на Северном Кавказе кабардинцев не упоминает, называя лишь отдельные черкесские племена Северо-Западного Кавказа» [Нарожный 2010: 49].

Поскольку полный текст сочинения И. Барбаро «Путешествие в Персию», содержащий данный рассказ, опубликован в 2015 г. И.В. Волковым, имеет смысл привести его изложение. И. Барбаро рассказывает, что газии пришли в Шемаху, а затем в Дербент, а оттуда в Тюмень. Затем «появились у реки, называемой Терек, которая находится в провинции Тезекия, и около Каспийских гор». Затем они вошли «в страны Гога и Магога». «Затем они потянулись в сторону Черкесии, проходя в сторону [племени] Киппике и в сторону [племени] Карбатри, которые оба находятся со стороны Великого моря, и подобным образом поступили в тех местах, наконец с ними сразились те из [племен] Тетаркосса и из Кремука и нанесли им такое сокрушительное поражение, что не спаслись и двадцать на сотню...» [Волков 2015: 652-653]. Комментируя соответствующий фрагмент, И.В. Волков отмечает, что топоним Тезекия, вероятно, связан с современной Северной Осетией, упоминаемые в тексте мифические народы Гога и Магога не следует связывать с какими-либо конкретными племенами и народами, а определение «мест обитания племен «киппике» и «кабатри» не представляется в настоящее время возможным» [Волков 2015: 685-686].

С.Х. Хотко, привлекая адыгский лингвистический и историко-этнографический материал, находит возможным идентифицировать все этно-территориальные единицы, упоминаемые у И. Барбаро в «Путешествии в Тану» и в «Путешествии в Персию» (Cremuch, Chipche/Chippiche, Tatarcosia/Tetarcossa, Sobai, Cheverthei/Charbatri), с черкесскими областями и владениями, известными и в последующий период, причем называет их все княжествами. Соответственно, это Темиргой, Чупаковское владение (будущий Натхокуадж), Тазартуковское владение, (будущий Бесленей), владение Собай (впоследствии вошло в Хатукай), Кабарда [Хотко 2016; Хотко 2017: 35-58]. «Область Кремук», район исторического Темиргоя, рассматривается как центр средневековой Черкесии периода XIV-XVI вв., что соответствует ее локализации и описанию у И. Барбаро, полагает К.В. Скиба [Скиба 2016: 182]. Л.Э. Голубев отмечает, что в последние годы «особый спор идет о локализации области Кремук» и, рассмотрев разные точки зрения на вопрос, заключает: «Таким образом, можно с полной уверенностью говорить, что адыгские земли в XV в. были разделены на феодальные территориально-политические образования, доминирующей среди которых в середине века была область Кремук» [Голубев 2017: 21-22, 96].

Обозначение С.Х. Хотко ряда «стран» (областей), поименованных И. Барбаро, «княжествами» вызвало резко критическую оценку со стороны авторов

отзыва на рукопись его диссертации И.А. Дружининой и В.Н. Чхаидзе¹. Но они не касались вопроса о возможности или невозможности в принципе связать эти области с адыгскими этно-социо-территориальными образованиями последующего времени. При этом И.А. Дружинина и В.Н. Чхаидзе выразили согласие с оценкой условий и сроков переселения адыгов на Центральный Кавказ, которую высказал Р.Б. Схатум.

Р.Б. Схатум и другие сторонники поздней датировки этого явления исходят из того, что практически на всем протяжении XV в. сохранялся контроль (по Р.Б. Схатуму – господство) ханов Золотой Орды и ее преемника – Большой Орды над Центральным Кавказом. При этом Е.И. Нарожный указывает, что правившие в Золотой Орде после Тохтамыша ханы базировались в Поволжье, хотя стремились поддерживать сохранившиеся «островки» кочевой и оседлой жизни на равнинах Северного Кавказа [Нарожный 2010: 47, 50]. Сохранялись ли эти возможности, когда развернулся процесс окончательного распада Золотой Орды с 1420-х гг.? В литературе отмечается, что «уже во второй четверти XV в. в Центральном Предкавказье не фиксируются орды кочевников» [Кагадзе 2022: 65]. В территорию Большой Орды традиционно включали, наряду с междуречьем Волги и Дона, степи, но не предгорья Северного Кавказа. Сведения о Большой Орде, относящиеся ко второй половине XV в., говорят о ее противоборстве с Крымским ханством, существенном ослаблении и поражениях, в том числе в столкновениях с черкесами [Зайцев 2004: 99-100]. Тезис о давлении на адыгов нижнего Прикубанья со стороны османов и крымцев обосновывается событиями, описанными в работе А.М. Некрасова [Некрасов (1990) 2015]. Однако этот автор ничего не говорит о вынужденной миграции адыгов Северо-Западного Кавказа. Напротив, речь у него идет об их активном сопротивлении османам и крымцам. Так, походу османов на земли адыгов в 1479 г. предшествовало изгнание адыгами из Копы и Анапы османских гарнизонов и эти крепости пришлось завоевывать вновь. Говоря же о последнем двадцатилетии XV в. и первых годах XVI в. А.М. Некрасов отмечает ослабление османской активности на Западном Кавказе почти на двадцать лет, тогда как «адыгские народы принимают непосредственное участие в международной жизни Восточной Европы, в частности, в борьбе против Большой Орды» [Некрасов (1990) 2015: 86-87, 91].

В современной литературе реализуется также подход к этой проблеме, основанный на интерпретации адыгской устной традиции – фольклорных преданий о связи происхождения Кабарды с именем знатного владельца (тлехотлеша) Кабарды Тамбиева и генеалогических преданий о происхождении кабардинских княжеских фамилий от Инала. В своей последней, посмертно изданной монографии, А.В. Гадло вернулся к сюжету о Кабарде Тамбиеве и передвижении адыгов из Прикубанья на восток, относя первый этап развития этого явления к началу XII в., а вторичное, массовое переселение к XIV-XV вв. Начало

¹ Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н. Отзыв на рукопись диссертации, представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук «Генезис адыгского (черкесского) этнополитического пространства в XIII-XVI вв.: проблемы и перспективы исследования» Самира Хамидовича Хотко [Электронный ресурс] // Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева: официальный сайт. URL: <https://kchgu.ru/wp-content/uploads/2015/04/Otzy-v-I.DruzhininojV.CHhaidze-na-dissert.-S.H.-Hotko.pdf> (дата обращения 14.07.2023).

процесса он связывал с этнополитическим контекстом (когда Алания и кочевая степь оказались на пороге или в состоянии войны) и внутриадыгскими противоречиями (конфликт знатного дворянина Кабарды Тамбиева со своим сюзереном, одним из князей Болотоковых, владевших коренными касожскими землями в междуречье Лабы и Кубани) [Гадло 2004; Переселение... 1891: 13-20]. В региональной историографии расселение адыгов на Центральном Кавказе и генезис Кабарды как территориально-политического образования связывается с деятельностью правителя Инала и событиями первой половины XV в. Здесь также интерпретируются фольклорные предания о Кабарде Тамбиеве [Переселение... 1891: 13-20; Кабардинский фольклор... 1936: 140-153; Абдоков 1990; Кагазежев 2022]. А.В. Гадло не сомневался, что «сказание об Инале, сохранившееся в устной адыгской традиции как часть генеалогического предания, отражает историческую реальность», но он относил эту историческую реальность ко второй половине I тыс. н.э. [Гадло (1978) 2005: 423]. В работе 2012 г. Ф.Х. Озова подкрепила серьезным источниковедческим анализом традиционную для региональной историографии датировку времени жизни и деятельности Инала концом XIV – началом XV в. [Озова 2012].

Авторы вышедшего в серии «Народы и культуры» в 2022 г. тома «Адыги» рассматривают проблему в контексте геополитической ситуации, сложившейся на Северном Кавказе в начале XV в. в связи с ослаблением Золотой Орды. Они полагают, что в этих условиях стала возможной успешная политика князя Инала по объединению Черкесии, в результате чего он был признан общеадыгским князем. Авторы считают, что князь Инал, разгромил разрозненные орды кочевников, отодвинув их за Дон и в направлении к Волге, а также развернул деятельность по вытеснению генуэзцев с территории Черкесии. Взятие самой мощной из генуэзских крепостей – Хумарана в верхнем течении Кубани окончательно закрепило за князем Иналом Центральное Предкавказье, где он назначил наместником Кабарду Тамбиева [Адыги... 2022: 37-38]. Эта интерпретация фактически снимает тему переселения адыгов на Центральный Кавказ. Речь идет о военно-политической активности Инала, направленной на «возвращение адыгских земель» [Адыги... 2022: 38].

В контексте этнической истории рассматривали проблему Р.Ж. Бетрозов и Б.Х. Бгажноков. В силу определенных исторических условий, полагали они, в течение XIII–XVI вв. адыги начинают делиться на две большие группы: западную и восточную. Среди называемых ими условий – переход части адыгов (протокабардинцев) к полукочевому хозяйству и начало их движения на восток (уже после второго похода монголов и крушения Аланского государства), а также меньший урон, понесенный адыгами и от монголо-татар, и от нашествия Тимура. Соответственно возникли два территориально-политических образования: Черкесия и Кабарда [Бетрозов, Бгажноков 2012: 52]. А Кабарда первой половины XVI в. предстает в новейших исследованиях как территориально-политическое образование, в котором формируется специфический социально-политический порядок, происходит острая борьба княжеских фамилий, осуществляются достаточно масштабные военно-политические акции, такие как взятие Астрахани и возведение на астраханский престол зятя одного из кабар-

динских князей царевича Ак-Кубека в 1532 г. или поход на Бахчисарай в 1536-1537 гг. Эти события исследователи относят ко времени активности уже третьего поколения Иналидов в Кабарде [Кожев 2020].

Приведенный выше материал и исследовательские суждения оставляют впечатление неоднозначности относительно вопроса о времени и месте кристаллизации самосознания и утверждения самоназвания кабардинцев и балкарцев, как индикатора окончательного их становления в качестве самостоятельных народностей.

Р.Ж. Бетрозов и Б.Х. Бгажноков полагали, что о кабардинцах как отдельном народе можно говорить уже с конца XIV – начала XV в. Появление термина «кабардинцы» в середине XV в. в сочинении И. Барбаро в форме «кевертеи», рассматривалось ими как свидетельство того, что к этому времени этнос уже представлял собой объективную реальность [Бетрозов, Бгажноков 2012: 52]. Е.И. Нарожный указывает, что различные черкесские племена, переселившиеся на Центральный Кавказ в конце XV в., только со временем консолидировались в «кабардинцев», впоследствии образов здесь Малую и Большую Кабарду [Нарожный 2010: 49-50]. Л.Э. Голубев со ссылкой на А.И. Абдокова отмечает, что Кабарда в конце XV в. понималась лишь как географическое название местности – феодальный удел адыгских князей. Этническим названием части адыгов она становится позже, в XVI в. [Голубев 2017: 109]. В любом случае, идентификация кабардинцев как адыгской субэтнической общности или народности оказывается связанной с их устойчивой локализацией на определенной территории Центрального Кавказа.

Более неопределенно у различных авторов выглядят хронология становления и связь этноса с территорией применительно к балкарцам. В одном случае «собственно балкаро-карачаевская народность» складывается в ущельях Центрального Кавказа, начиная с конца XIV – начала XV в. [Батчаев 1986: 130-132]. В другом алан и асов, относящихся, по сведениям авторов конца XIII-XIV вв., к «тюркской расе» считается возможным уже назвать балкаро-карачаевцами, окончательно сформировавшимися как средневековая народность в зоне «высокогорья и среднегорья между Дигорией и северо-западным Приэльбрусьем» [Чеченов 2012]. В третьем говорится об образовании в X в. древнекарачаево-балкарской этнической общности, о феодальной раздробленности карачаево-балкарского общества предмонгольского времени, и появлении самостоятельных удельных княжеств и владений от р. Уруп до р. Урух [Карачаевцы. Балкарцы... 2014: 7, 37-40]. В связи с этим представляется весьма точным и продуктивным определение Е.Г. Муратовой этнической идентичности балкарцев «как тюрков по языку и как жителей высокогорной части Центрального Кавказа в границах современной территории Кабардино-Балкарии», оформление которой «произошло на рубеже XIV-XV вв.» [Муратова 2007: 83]. Привязка этнической идентичности к среде обитания глубоко обоснована методологически. Специфичность функциональной природы этноса по сравнению с иными исторически сложившимися общностями определяется выработанными им и культурно передаваемыми от поколения к поколению способами адаптации к среде своего обитания [Карлов 2014: 7]. Х.К. Геграев, исследовавший этнодемографию Балкарии XIX –

начала XX в. в контексте концепции этнической (этнодемографической) адаптации, отмечает, что балкарцы, искони проживающие в условиях горного (высокогорного) ландшафта Центрального Кавказа, являют собой пример достаточно успешной адаптированности к своему этноландшафту [Геграев 2003: 3]. Аналогичных исследований применительно к кабардинцам пока нет, но то, что их специфический (суб)этнический профиль определялся также способами хозяйственной и социально-политической адаптации к окружающей природной и социальной среде представляется несомненным.

Соответственно, содержание понятий «Кабарда» и «Балкария» после XV в. претерпело существенные изменения и достижение такого состояния этнического самосознания кабардинцев и балкарцев, пространственное измерение которого совпадало бы со всей той горной и равнинно-предгорной частью Центрального Кавказа, которую занимали балкарцы и кабардинцы, явилось функцией их дальнейшего социально-политического развития.

Заключение

Выводы из рассмотренного в статье материала должны соответствовать ее основной цели, привязанной, в конечном счете, к проблемам обобщенного представления соотношения процессов этногенеза кабардинцев и балкарцев и становления исторической Кабардино-Балкарии как области их устойчивого взаимодействия. Это значит, что они будут сформулированы не столько в виде решений отдельных вопросов, обсуждаемых в литературе, сколько в виде положений (тезисов) к построению регионального исторического нарратива.

1. Прежде всего, очевидно, что нет ни одного более или менее общего вопроса этнической и этнополитической истории Центрального Кавказа, по которому в научном сообществе был бы достигнут на сегодняшний день безоговорочный консенсус. Это накладывает определенные ограничения на процедуру обобщения имеющихся научных результатов. Однозначные и категоричные формулировки, исключающие возможность альтернативных интерпретаций конкретных вопросов этнической и этнополитической истории Центрального Кавказа, будут неизбежно упрощать и искажать реальное состояние их изученности. Обобщение пока что неустраняемого плюрализма научных интерпретаций должно, прежде всего, фиксировать этот плюрализм.

2. Тем не менее анализ содержания достаточно широкого и, как можно надеяться, репрезентативного круга литературы позволяет делать вполне определенные заключения. Так, в изученной литературе не подвергается сомнению автохтонность этнических общностей (этносов), частью которых являются кабардинцы и балкарцы – адыгов и карачаево-балкарцев, их глубокая укорененность в регионе Центрального и Северо-Западного Кавказа. Ни по одному из периодов древней истории Северного Кавказа и ни по одной из культурно-исторических общностей бронзового и раннего железного века в рассмотренных работах не исключается присутствие кавказских предков адыгов и карачаево-балкарцев и не утверждается их пришлый характер.

3. Вопрос заключается в том, каким образом можно проследить эту укорененность на глубину исторического времени, как минимум до периода ранней

бронзы. Попытка реконструировать траекторию того или иного отдельного этногенеза для времени, от которого практически не осталось письменных свидетельств, с неизбежностью приведет к сужению угла зрения на историческую реальность. Целенаправленный отбор данных, относимых к одной этнической «родословной», может породить тенденцию этнически ангажированных притязаний на монопольную принадлежность тех или иных элементов культурно-исторического наследия. Напротив, пространственно-исторический подход предполагает большую широту видения, ориентацию на охват всей совокупности данных, которые могут быть соотнесены с происхождением каждого из народов Кабардино-Балкарии. При таком подходе открывается возможность не только этнически атрибутировать культурные элементы и комплексы, фиксируемые на данной территории в данный период времени, но также принять во внимание их взаимодействие и взаимосвязь, отражающие взаимодействия, взаимосвязи, культурные обмены различных групп населения региона.

4. Ограничения пространственного подхода в настоящей статье связаны с общими географическими рамками анализа, приуроченными к Центральному Кавказу. Поэтому в ней не уделено такого же внимания культурам, локализованным преимущественно в пределах Западного или Восточного Кавказа, скажем, Дольменной или Каякентско-харачоевской. Но такие культуры как Майкопская, Северокавказская, Кобанская покрывали территорию Центрального Кавказа, наряду с Западным и, частично, Восточным Кавказом. Эти культуры в пространственно-исторической перспективе выступают как широкие культурно-исторические общности. В данном случае слово «общность» является ключевым, а уже в рамках этих общностей можно искать конкретные локальные и культурные элементы и комплексы, предположительно находящиеся в более непосредственном соотнесении с теми или иными этносами древности и позднейшего времени. Современное состояние исследований в области археологии и древней истории Центрального и Северо-Западного Кавказа позволяет не сомневаться в принадлежности предков кабардинцев (адыгов) и балкарцев к одному и тому же культурно-историческому миру древности и в обобщающей истории Кабардино-Балкарии она может быть убедительно и выпукло представлена.

5. Различные группы древнего населения Центрального Кавказа были вовлечены не только в систему взаимных внутрорегиональных связей, но и активно взаимодействовали с внешними силами и проникавшими в регион общностями, прежде всего степными кочевниками. В I тысячелетии до н.э. прошли две волны «иранизации» Северного Кавказа – скифская и сарматская. С точки зрения целей данной статьи на первый план здесь выступает то, что они затронули все группы местного населения в равнинно-предгорной зоне – и те, с которыми связывается этногенез адыгов (меоты), и те, к которым традиционно возводится происхождение карачаево-балкарцев (позднекобанское население Центрального Кавказа). Вместе с тем различная интенсивность взаимодействий с ираноязычными кочевниками и различная глубина их влияния на культурно-языковые характеристики этих групп обозначили перспективу дивергенции путей формирования позднейших адыгов и карачаево-балкарцев.

6. Средневековая история Центрального Кавказа предстает в литературе, насыщенной событиями и процессами, связанными с военными вторжениями и демографическими «инвазиями» степных кочевнических масс. На протяжении более чем тысячелетия в регионе присутствовали и на длительных этапах доминировали ираноязычные аланы. Но все это время нарастало присутствие и влияние тюркоязычных сообществ. Наиболее плотное и длительное взаимодействие кавказские автохтоны и аланы имели с болгарами и половцами (кипчаками). Кавказско-алано-кипчакское этноязыковое взаимодействие традиционно обсуждается в контексте сложения карачаево-балкарского этноса из автохтонного, аланского и тюркского (кипчакского) компонентов. Однако материалы изученной в статье литературы недвусмысленно говорят также о включенности в это взаимодействие и адыгов (зихов, касогов, черкесов). Высказываются положения об участии алан в этногенезе адыгов, о вхождении адыгских групп в половецкое объединение. С точки зрения построения обобщенной истории Кабардино-Балкарии это имеет принципиальное значение, свидетельствуя о единых для ее народов условиях и тенденциях исторического развития.

7. Характерной чертой практически всей совокупности работ по (этно)политической истории Центрального Кавказа IV-XIII вв. является то, что фигурируют в них, прежде всего, этнические (аланы, гунны, болгары, хазары, кипчаки, татаро-монголы) и государственно-политические образования (Алания, Великая Болгария, Хазарский Каганат, половецкий союз, Золотая орда) степного кочевнического круга. Место кавказских автохтонов в этнополитическом пространстве региона является предметом исследовательских реконструкций, базирующихся главным образом на археологическом материале и имеющих чаще всего гипотетический характер. В этом сказывается не только недостаток источников, но и отсутствие у автохтонов Центрального Кавказа в тот период собственных потестарно-политических структур, чтобы могла состояться их консолидация в самостоятельные этносоциальные организмы и этнополитические образования. В этом смысле образование Кабарды и Балкарии является результатом не столько этногенетического или этноисторического развития их ближайших предков, сколько политических процессов на территории Центрального Кавказа, связанных со сменой политически доминирующих здесь сил.

8. Глубокие перестройки этнополитической структуры Центрального Кавказа в средние века связывается в изученной литературе с тремя ключевыми событиями/периодами – гуннским нашествием и последующей экспансией в регион тюркоязычных кочевников; монголо-татарским нашествием и установлением владычества Золотой Орды, нашествием войск Тимура, подорвавшим господство в регионе Золотой Орды. В каждом случае оценке подвергаются масштабы разрушений хозяйственной жизни, истребления прежнего населения и его перемещений внутри региона и за его пределы, но также характер нового равновесия, установившегося в регионе под эгидой завоевателей и с участием новых групп населения. Для целей настоящей статьи важно зафиксировать качественное отличие характера и последствий походов Тимура конца XIV в. от предшествующих нашествий, которое с эмпирической, событийной точки зрения вполне адекватно описывается в литературе, но не всегда получает долж-

ную концептуальную трактовку. Особо опустошительный характер его нашествия для всех зон и всех групп населения Центрального Кавказа не подвергается сомнению. Но с точки зрения политических результатов, важным представляется, что нанеся сокрушительный удар по Золотой Орде, Тимур не заменил ее как господствующая сила в регионе, а ушел из него, не оставив здесь ни каких-либо структур власти, ни групп какого-то нового населения. Последние ханы Золотой Орды, а затем ее преемников – Большой Орды, Астраханского, Крымского Ханства на протяжении XV в. не были в состоянии поддерживать плотный и прочный контроль над Центральным Кавказом. Открылась возможность консолидации различных групп местного населения в самостоятельные этносоциальные организмы на тех территориях, которые служили им убежищем от катаклизмов XIII-XIV вв. и пространством их жизнеобеспечения.

9. Рубеж XIV-XV вв. стал поворотным в развитии процессов этногенеза кабардинцев и балкарцев и процессов регионогенеза исторической Кабардино-Балкарии. С этого времени складываются условия для установления устойчивого доминирования ранних кабардинцев и балкарцев в равнинно-предгорной части Центрального Кавказа и в горной его части от Черекского до Баксанского ущелья. Консолидация Кабарды и Балкарии в качестве территориальных образований, становление их особой социальной и потестарно-политической организации на данной территории становится предпосылкой завершения процессов формирования кабардинского и балкарского народов. При всех разночтениях относительно локализации и динамики сложения карачаево-балкарского этноса не может подвергаться сомнению, что собственно балкаро-карачаевская народность складывается в ущельях высокогорной части Центрального Кавказа, начиная с конца XIV – начала XV в. Независимо от трактовок вопроса о времени нахождения или переселения адыгов на Центральный Кавказ не может подвергаться сомнению, что для периода до конца XIV в. затруднительно оценить ареал их расселения и зафиксировать наличие здесь адыгского территориально-политического образования. А с начала и до конца XV в. ими была занята равнинно-предгорная зона Центрального Кавказа вплоть до левобережья р. Сунжа или долины р. Аргун и на этой территории утвердилась власть кабардинских князей, считавших себя потомками Инала. Этносоциальный и политический ландшафт Центрального Кавказа стали определять местные народы – кабардинцы и карачаево-балкарцы наряду с осетинами, ингушами, чеченцами, абазинами.

10. Таким образом, становление Кабарды и Балкарии как этно-социотерриториальных образований происходило одновременно и параллельно в равнинно-предгорной и горной зонах Центрального Кавказа. Вопрос о территориальном «приоритете» того или другого народа не имеет оснований. Гораздо важнее то обстоятельство, что природно-географические условия территорий, на которых локализовались кабардинское и балкарское общества предопределили их тесную взаимосвязь. Устойчивая территориальная, хозяйственно-экономическая, социально-политическая и культурная связанность кабардинцев и балкарцев сформировала особую пространственно-временную целостность, территориальную единицу исторического процесса со сложной внутренней этносоциальной и этнополитической структурой. Таким образом, Кабардино-

Балкария – это историческая область, в пределах которой на протяжении длительного времени осуществляют свою жизнедеятельность и упорядочивают взаимные отношения кабардинский и балкарский и народы и которая получила, в конечном счете, государственно-политическую форму и конституционно-правовое закрепление.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев 1960 – *Абаев В.И.* Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке // Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22–26 июля 1959 г.). – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1960. – С. 127–134.

Абдоков 1990 – *Абдоков А.И.* Откуда пошло название «Кабарда»? // Мир культуры. Выпуск 1. – Нальчик: Эльбрус, 1990. – С. 140–145.

Абрамова 1989 – *Абрамова М.П.* Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С. 268–282.

Адыги... 2022 – *Адыги:* Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги / отв. ред. А.Х. Абазов, Ю.Д. Анчабадзе, А.В. Кушхабиев, М.М. Паштова. – М.: Наука, 2022. – 870 с.

Алексеев 1961 – *Алексеев В.П.* Антропологический тип адыгов в эпоху позднего средневековья // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Том II. – Майкоп: Адыгейское кн. изд-во, 1961. – 222 с. – С. 208 – 220.

Алексеев 1974 – *Алексеев В.П.* Происхождение народов Кавказа. – М.: Наука, 1974. – 315 с.

Алексеева 1971 – *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии (Вопросы этнического и социально-экономического развития). – М.: Наука, 1971. – 356 с.

Алемань 2003 – *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. – Москва: Менеджер, 2003. – 604 с.

Армарчук 2003 – *Армарчук Е.А.* Некоторые вопросы этнической истории // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. – М.: Наука, 2003. – С. 224–226.

Барбаро... 1971 – *Барбаро* и Контарини о России: К истории итальянско-русских связей в XV в. / Вступительные статьи, подготовка текста, перевод и комментарии Е.Ч. Скржинской. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. – 273 с.

Батчаев 1980 – *Батчаев В.М.* Предкавказские половцы и вопросы тюркизации средневековой Балкарии // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Вып. 1. – Нальчик, 1980. – С. 79–95.

Батчаев 1986 – *Батчаев В.М.* Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Эльбрус, 1986. – 152 с.

Батчаев 1988 – *Батчаев В.М.* «Мы пришли из Маджар»: факт или вымысел? // Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. – Черкесск, 1988. – С. 160–177.

Батчаев 1992 – *Батчаев В.М.* Маджарцы (к проблеме золотоордынского этапа истории Северного Кавказа) // Проблемы этнографии осетин. – Владикавказ, 1992. – С. 86–99.

Бетрозов 1998 – *Бетрозов Р.Ж.* Адыги: возникновение и развитие этноса. – Нальчик: «Эльбрус», 1998. – 279 с.

Бетрозов, Бгажноков 2012 – *Бетрозов Р.Ж., Бгажноков Б.Х.* К вопросу о формировании кабардинского этноса // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. – 2012. – Том II. – № 2. – С. 48–52.

Бромлей 1983 – *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. – М.: Изд-во «Наука», 1983. – 412 с.

Великая и др. 2019 – *Великая Н.Н., Дударев С.Л., Савенко С.Н.* Этногенез и этнополитическая история Северного Кавказа (древность, средневековье, новое время) // Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. – Вып. 11. – Армавир: Дизайн-студия Б, 2019. – 218 с.

Виноградов 1972 – *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в Скифское время VII–IV века до н.э. (вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза). – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1972. – 389 с.

Виноградов, Шаова 2003 – *Виноградов В.Б., Шаова (Кайтмесова) С.Б.* Кабардинцы и вайнахи на берегах Сунжи (XVI – середина XVIII в.). – Армавир; Майкоп: Б.и., 2003. – 154 с.

Витчак 1992 – *Витчак К.Т.* Скифский язык: опыт описания (1992) // Вопросы языкознания. – 1992. – № 5. – С. 50–59.

Волков 2015 – *Волков И.В.* Путешествие Иосафата Барбаро в Персию в 1473–1478 гг. (текст, перевод, комментарий) // Генуэзская Газария и Золотая Орда = The Genoese Gazaria and the Golden Horde. – Казань – Симферополь – Кишинев: Stratum Plus, 2015. – С. 605–692.

Волкова 1973 – *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. – М.: Наука, 1973. – 208 с.

Гадло 1979 – *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. – Ленинград: Изд. ЛГУ, 1979. – 216 с.

Гадло 1994 – *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. – Ленинград: Изд-во С.-Петербургского университета, 1994. – 239 с.

Гадло 2004 – *Гадло А.В.* Предыстория Приазовской Руси: Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – 358 с.

Гадло (1978) 2005 – *Гадло А.В.* Князь Инал адыго-кабардинских родословных (1978) // Исторический вестник. Выпуск I. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.»; Издательский центр «Эль-Фа», 2005. – С. 414–425.

Геграев 2003 – *Геграев Х.К.* Этнодемография Балкарии XIX – начала XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Нальчик: КБГУ, 2003. – 28 с.

Герасимова 2013 – *Герасимова М.М.* К вопросу о происхождении балкарцев // Вестник антропологии. – 2013. – № 3 (25). – С. 52–71.

Герасимова 2018 – *Герасимова М.М.* Городское население Западной Алании VIII–IX вв. (по краииологическим материалам могильника Мощевая Балка) // Вестник антропологии. – 2018. – № 3 (43). – С. 95–111.

Голубев 2017 – *Голубев Л.Э.* Адыги в XIII–XV веках. Социально-экономическое и политическое развитие. – Краснодар: ИП Вольная Н.Н., 2017. – 192 с.

Греков, Якубовский 1950 – *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 505 с.

Дружинина 2012 – *Дружинина И.А.* О группе средневековых курганов бассейна верховий Кубани // Краткие сообщения Института археологии РАН. – 2012. – Вып. 226. – С. 196–212.

Дружинина 2018 – *Дружинина И.А.* Погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII–XVIII вв. как источник по истории адыгских народов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: ИА РАН, 2018. – 26 с.

Дударев, Савенко 2019 – *Дударев С.Л., Савенко С.Н.* К историографии феномена «кобанская культура» // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 4. – С. 67–84.

Дударев и др. 2020 – *Дударев С.Л., Пелих А.Л., Савенко С.Н., Цецхладзе Г.Р.* Археологические источники о происхождении и этнополитической истории населения Северного Кавказа. – Армавир: Дизайн-студия Б, 2020. – 394 с.

Дыбо 1994 – *Дыбо В.А.* Язык – этнос – археологическая культура // Язык, культура, этнос. – М.: Наука, 1994. – С. 39–51.

Зайцев 2004 – *Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.): очерки. – М.: Рудомино, 2004. – 216 с.

История народов... 1988 – *История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.* / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. – М.: Наука, 1988. – 544 с.

Кабардинский фольклор... 1936 – *Кабардинский фольклор* / Общая редакция Г.И. Бройдо. – Москва – Ленинград: Academia, 1936. – 650 с.

Кагазежев 2022 – *Кагазежев Ж.В.* Деятельность Кабарды Тамбиева и образование кабардинского княжества Иналидов // *Kavkaz-Forum*. – 2022. – Вып. 12 (19). – С. 63–71.

Кагазежев 2023 – *Кагазежев Ж.В.* Проблема происхождения восточно-адыгского населения // *Электронный журнал «Кавказология»*. – 2023. – № 1. – С. 216–225. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-216-225. EDN: FRVGYF.

Камболов 2006 – *Камболов Т.Т.* Очерк истории осетинского языка. – Владикавказ: Ир, 2006. – 463 с.

Каменецкий 1989 – *Каменецкий И.С.* Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. – М.: Наука, 1989. – С. 224–251.

Карачаевцы. Балкарцы... 2014 – *Карачаевцы. Балкарцы* / Отв. редакторы М.Д. Каракетов, Х.-М.А. Сабанчиев. – Москва: Наука, 2014. – 814 с.

Карлов 2014 – *Карлов В.В.* Этнос и этнокультурные процессы в эпоху глобализации // *Вестник антропологии*. – 2014. – № 2 (28). – С. 6–14.

Касьян 2015 – *Касьян А.С.* Клинописные языки Анатолии (хаттский, хуррито-урартские, анатолийские): проблемы этимологии и грамматики: дис. ... д-ра филол. наук. – М.: ИЯ РАН, 2015. – 436 с.

Керефов 1988 – *Керефов Б.М.* Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1988. – 216 с.

Классификация... 2013 – *Классификация в археологии*. – СПб.: ИИМК РАН, 2013. – 251 с.

Ковалевская 1981a – *Ковалевская В.Б.* Северокавказские древности // *Степи Евразии в эпоху средневековья*. – М.: Наука, 1981. – С. 83–188.

Ковалевская 1981b – *Ковалевская В.Б.* Северный Кавказ в X–XIII вв. // *Степи Евразии в эпоху средневековья*. – М.: Наука, 1981. – С. 224–228.

Ковалевская 2005 – *Ковалевская В.Б.* Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2005. – 398 с.

Ковалевская 1984 – *Ковалевская В.Б.* Кавказ и Аланы. Века и народы. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. – 192 с.

Кожев 2020 – *Кожев З.А.* Очерки военно-политической истории Черкесии XV–XVII вв. – Нальчик: Принт Центр, 2020. – 144 с.

Козенкова 1989 – *Козенкова В.И.* Кобанская культура Кавказа // *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. – М.: Наука, 1989. – С. 252–267.

Козенкова 1996 – *Козенкова В.И.* Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке: (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). – М.: ИА РАН, 1996. – 164 с.

Козенкова 1981 – *Козенкова В.И.* О границах западного варианта кобанской культуры // *Советская археология*. – 1981. – №3. – С. 29–43. – С. 37–40.

Колесникова, Бабенко 2023 – *Колесникова М.Е., Бабенко В.А.* Походы армии Тамерлана в Центральное Предкавказье в 1395–1396 гг. (локализация, проблемы изучения // *Oriental Studies*. – 2023. – Т. 16. – № 2. – С. 252–267. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-252-267.

Комиссия пришла... 1993 – *Комиссия пришла к выводу* // *Нарт*. – Июль 1993. – № 21 (31). – С. 2.

Коновалова 2009 – *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв.: текст, перевод, комментарий. – М.: Вост. лит., 2009. – 223 с.

Корневский 1990 – *Корневский С.Н.* К дискуссии об этнической интерпретации майкопской культуры // *Советская археология*. – 1990. – № 4. – С. 125–131.

Корневский 2004 – Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. – М.: Наука, 2004. – 243 с.

Корневский 2008 – *Корневский С.Н.* Современные проблемы изучения майкопской культуры // *Археология Кавказа и Ближнего Востока: сб. к 80-летию члена-*

- корреспондента РАН, профессора Р.М. Мунчаева / Отв. ред. Н.Я. Мерперт, С.Н. Кореневский. – М.: ТАУС, 2008. – С. 71–122.
- Коробов 2019 – *Коробов Д.С.* Аланы Северного Кавказа: этнос, археология, палеогенетика. – СПб.: Нестор-История, 2019. – 156 с.
- Крадин 2009 – *Крадин Н.Н.* Археологические культуры и этнические общности // Теория и практика археологических исследований. – 2009. – № 5. – С. 9–19.
- Криштопа 2007 – *Криштопа А.Е.* Дагестан в XIII – начале XV вв. Очерк политической истории. – М.: Издательская группа «ТАУС», 2007. – 228 с.
- Крупнов 1960 – *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. – 520 с.
- Крупнов 1964 – *Крупнов Е.И.* Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность (К проблеме происхождения коренных народов Кавказа) // Советская археология. – 1964. – № 1. – С. 26–43.
- Куббель 1988 – *Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. – М.: Изд-во «Наука», 1988. – 271 с.
- Кузнецов 1962 – *Кузнецов В.А.* Аланские племена Северного Кавказа. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 164 с.
- Кузнецов 1971 – *Кузнецов В.А.* Алания в X–XIII вв. – Орджоникидзе: Ир, 1971. – 247 с.
- Кузнецов 2015 – *Кузнецов В.А.* Заметки о кобанской культуре // Вестник КБИГИ. – 2015. – Вып. 2 (25). – С. 7–18.
- Кузнецов 1992 – *Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. 2-е изд. допол. – Владикавказ: Ир, 1992. – 392 с.
- Кузнецов 1997 – *Кузнецов В.А.* Иранизация и тюркизация Центральнокавказского субрегиона // Материалы и исследования по археологии России. № 1. Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы / Под ред. Р.М. Мунчаева, В.С. Ольховского. – М.: Институт археологии РАН, 1997. – С. 153–176.
- Кучуков 2020 – *Кучуков И.* XX век... 1922–2022. Трагедия Балкарии. – Изд. 2-е. – Москва: Перо, 2020. – 590 с.
- Лавров 1969 – *Лавров Л.И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник. Вып. IV. – М.: Б.и., 1969. – С. 55–119.
- Лавров 1978 – *Лавров Л.И.* Проблемы этногенеза кавказских горцев // Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. – Ленинград: «Наука». Ленинградское отделение, 1978. – С. 33–47.
- Лавров (1956) 2009 – *Лавров Л.И.* Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории (1956) // Лавров Л.И. Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. – С. 163–171.
- Марковин 1990а – *Марковин В.И.* Спорные вопросы в этногенетическом изучении Северного Кавказа // Советская археология. – 1990. – № 4. – С. 106–122.
- Марковин 1990б – *Марковин В.И.* Ответ на статьи, присланные в связи с дискуссией о майкопской культуре // Советская археология. – 1990. – № 4. – С. 153–157.
- Марковин 1996 – *Марковин В.И.* Северный Кавказ: историко-археологическое изучение и современность // Российская археология. – 1996. – № 3. – С. 90–105.
- Марковин 1994 – *Марковин В.И.* Северокавказская культурно-историческая общность // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. – М.: Наука, 1994. – С. 254–286.
- Марковин, Мунчаев 2003 – *Марковин В.И., Мунчаев Р.М.* Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. – Тула: Гриф и К, 2003. – 340 с.
- Мелюкова 1989 – *Мелюкова А.И.* Заключение // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С. 292–295.
- Мизиев 1990 – *Мизиев И.М.* О создателях майкопской культуры // Советская археология. – 1990. – № 4. – С. 131–137.

Мизиев 1986 – *Мизиев И.М.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. – Нальчик: Эльбрус, 1986. – 182 с.

Минаева 1964 – *Минаева Т.М.* К вопросу о расселении половцев // Материалы по изучению Ставропольского края. Выпуск 11. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1964. – С. 167–196.

Мунчаев 1975 – *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза. – М.: Наука, 1975. – 415 с.

Мунчаев 1994 – *Мунчаев Р.М.* Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. – М.: Наука, 1994. – С.158–225.

Муратова 2007 – *Муратова Е.Г.* Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX в. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2007. – 420 с.

Нагоев 1981 – *Нагоев А.Х.* Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего Средневековья (XIV – XVII вв.) / Под редакцией С.А. Плетневой. – Нальчик: Эльбрус, 1981. – 88 с.

Нагоев 2000 – *Нагоев А.Х.* Средневековая Кабарда. – Нальчик: Издательский центр «ЭЛЬ-ФА», 2000. – 231 с.

Нарожный 2010 – *Нарожный Е.И.* Северный Кавказ в XIII–XV веках: проблемы политической истории и этнокультурного взаимодействия: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Владикавказ, 2010. – 58 с.

Нарожный 2017 – *Нарожный Е.И.* «Нашествие и пределы катастрофы XIII века» в оценках современных отечественных и зарубежных исследователей // Золотоордынское обозрение. – 2017. – Т. 5. – № 4. – С. 825–836. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.825-836

Некрасов (1990) 2015 – *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI века) // Некрасов А.М. Избранные труды / Сост. К.Ф. Дзамихов, Дж.Я. Рахаев; научный редактор К.Ф. Дзамихов. – Нальчик: Издательский отдел КБГИ, 2015. – С. 45–140.

Нечитайло 1991 – *Нечитайло А.Л.* Специфика культурных групп майкопской общности // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Международный симпозиум. Новороссийск, 18–24 марта 1991 г. Тезисы докладов. – Ленинград: Ленингр. отделение Ин-та археологии., 1991. – С. 13–15.

Николаева 1987 – *Николаева Н.А.* Кубано-терское междуречье в эпоху ранней и средней бронзы (выделение и периодизация кубано-терской культуры): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ленинград: ЛГУ им. А.А. Жданова, 1987. – 17 с.

Новичихин 2014 – *Новичихин А.М.* Об этногенезе синдов // Древняя и средневековая культура адыгов. Материалы Международной научно-практической конференции. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. – С. 110–121.

Об этнической... 1992 – *Об этнической территории и этнических границах Балкарии.* Справка экспертной группы Национального Совета Балкарского Народа // Тёре. Независимая газета. – Август 1992. – № 23. – С. 2–6.

Озова 2012 – *Озова Ф.Х.* К вопросу о происхождении княжеской династии Черкесии // Археология и этнология Северного Кавказа. Сборник научных трудов. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012 – Выпуск 1. – С. 134–158.

Переселение... 1891 – *Переселение Кабарды Тамбиева* // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Выпуск 12. – Тифлис: Типография Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1891. – С. 13–20.

Петренко 1989 – *Петренко В.Г.* Скифы на Северном Кавказе // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С. 216–223.

Плетнева 1982 – *Плетнева С.А.* Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. – М.: Наука, 1982. – 189 с.

Плетнева 1990 – *Плетнева С.А.* Половцы. – М.: Наука, 1990. – 208 с.

Резепкин 1989 – *Резепкин А.Д.* Северо-Западный Кавказ в эпоху ранней бронзы: (На материале погребальных памятников новосвободненского типа): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ленинград: Ин-т археологии. Ленингр. отделение, 1989. – 24 с.

Репина 2019 – *Репина Л.П.* История регионов, или «территория историка» после пространственного поворота // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2019. – № 69. – С. 5–16.

Ртвеладзе 1976 – *Ртвеладзе Э.В.* О походе Тимура на Северный Кавказ // Археолого-этнографический сборник. Т. IV / Отв. ред. В.Б. Виноградов. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1976. – С. 103–128.

Ртвеладзе (1973) 2008 – *Ртвеладзе Э.В.* К вопросу о времени массового переселения кабардинцев в центральные районы Северного Кавказа (1973) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения I–XXIV, 1971–2006 гг. – М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008. – С. 77–78.

Рюзен 2001 – *Рюзен Й.* Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2001. – № 7 – С. 8–26.

Сабанчиев 2017 – *Сабанчиев Х.-М.А.* Золотая Орда и народы Северного Кавказа // Вопросы истории. – 2017. – № 10. – С. 64–78.

Сафронов 1989 – *Сафронов В.А.* Индоевропейские прародины. – Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1989. – 398 с.

Сафронов 1990 – *Сафронов В.А.* Новые пути решения майкопской проблемы // Советская археология. – 1990. – № 4. – С. 137–144.

Скиба 2016 – *Скиба К.В.* История «княжества Темиргой» и рода князей Болотоковых в XV–XVIII вв. // Российская государственность в судьбах народов Кавказа – IX. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 24–25 ноября 2016 г. – Пятигорск: ПГУ, 2016. – С. 182–188.

Соттаев 1960 – *Соттаев А.Х.* Происхождение балкарцев и карачаевцев по данным языка // Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22–26 июля 1959 г.). – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1960. – С. 81–95.

Старостин 1985 – *Старостин С.А.* Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древняя Анатолия. – М.: Наука, 1985. – С. 74–94.

Схатум 2009 – *Схатум Р.Б.* О времени переселения адыгов на Центральный Кавказ // Историко-археологический альманах. Вып. 9. – Армавир; Краснодар; М.: АКМ, 2009. – С. 101–108.

Тизенгаузен 1884 – *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. – СПб.: Издано на иждивение графа С.Г. Строганова, 1884. – 563 с.

Тизенгаузен 1941 – *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том II. Извлечения из персидских сочинений. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. – 308 с.

Тохтасьев 2005 – *Тохтасьев С.Р.* Проблема скифского языка в современной науке // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest / Ed. by Victor Cojocaru. – Iași: Trinitas, 2005. – С. 59–108.

Трифонов 1991а – *Трифонов В.А.* Особенности локально-хронологического развития майкопской культуры // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Международный симпозиум. Новороссийск, 18–24 марта 1991 г. Тезисы докладов. – Ленинград: Ленингр. отд-ние Ин-та археологии., 1991. – С. 25–29.

Трифонов 1991б – *Трифонов В.А.* Степное Прикубанье в эпоху энеолита – ранней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. – Ленинград: Наука, 1991. – С. 92–166.

Трубачев 1978 – *Трубачев О.Н.* Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время // Вестник древней истории. – 1978. – № 4. – С. 34–42.

Туаллагов 2020 – *Туаллагов А.А.* Рецензия на книгу: Коробов Д.С. «Аланы Северного Кавказа: этнос, археология, палеогенетика». М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 156 с. // Вестник Владикавказского научного центра. – 2020. – Том 20. – № 3. – С. 80–84.

Федоров 1983 – *Федоров Я.А.* Историческая этнография Северного Кавказа. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 128 с.

Фоменко 2015 – *Фоменко В.А.* Северо-Западный и Центральный Кавказ в древности и средневековье (вторая половина II тыс. до н.э. – середина II тыс. н.э.): обзор актуальных вопросов социально-экономического и культурно-этнического развития. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. – 176 с.

Хизриев 1982 – *Хизриев Х.А.* Борьба народов Северного Кавказа с экспансией Тимура: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ленинград: ЛГУ, 1982. – 15 с.

Хотко 2016 – *Хотко С.Х.* Черкесские княжества в XIV–XV веках: вопросы формирования и взаимосвязи с субэтническими группами // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Том 8. – № 2/1. – С. 46–58. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-46-58

Хотко 2017 – *Хотко С.Х.* Черкесия: генезис, этнополитические связи со странами Восточной Европы и Ближнего Востока (XIII–XVI вв.). – Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2017. – 544 с.

Черных 1966 – Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. – М.: Наука, 1966. – 144 с.

Чеченов 1974а – *Чеченов И.М.* О локальных различиях в памятниках майкопской культуры // IV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. – Орджоникидзе: Северо-Осетинский НИИ, 1974. – С. 60–61.

Чеченов 1974б – *Чеченов И.М.* К вопросу о локальных вариантах кобанской культуры // Археолого-этнографический сборник. – Нальчик: КБНИИ, 1974. – Вып. 1. – С. 14–51.

Чеченов 1990 – *Чеченов И.М.* К проблеме изучения древней истории и археологии Северного Кавказа // Советская археология. – 1990. – № 4. – С. 144–153.

Чеченов, Атабиев 2008 – *Чеченов И.М., Атабиев Б.Х.* К проблеме происхождения кобанской культуры и ее локальных вариантов // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения. 1971–2006. – М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008. – С. 447–448.

Чеченов 2008 – *Чеченов И.М.* Вопросы локализации места генерального сражения между войсками Тимура и Тохтамыша в апреле 1395 г. // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: тезисы докл. междунар. науч. конф. (г. Владикавказ, 21–25 апреля 2008 г.) / Отв. ред. А.А. Туаллагов. – Владикавказ: СОИГСИ, 2008. – С. 367–371.

Чеченов 2012 – *Чеченов И.М.* К истории вторжения войск Тимура в междуречье верховьев Кубани и Терека осенью 1395 г. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г.) / Отв. ред. М.С. Гаджиев. – Махачкала: Мавраевъ, 2012. – С. 403–405.

Членова 1984 – *Членова Н.Л.* Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). – Новосибирск: Наука, 1984. – 100 с.

Чхаидзе 2009 – *Чхаидзе В.Н.* Кочевники XI–XIV вв. в Степном Предкавказье: вопросы терминологии и этнической принадлежности // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. – Краснодар: Б.и., 2009. – С. 419–423.

Яблонский 2013 – *Яблонский Л.Т.* Проблемы концепции этногенеза на современном этапе развития гуманитарных знаний // Этничность в археологии или археология этничности? Материалы Круглого стола / Отв. ред. В.С. Мосин, Л.Т. Яблонский. – Челябинск: ЦИКР Рифей, 2013. – С. 34–47.

Kazanski, Mastykova 2003 – *Kazanski M., Mastykova A.* Les peuples du Caucase du Nord. Le début de l'histoire (Ier – VIIe siècle apr. J.C.). – Paris: Editions Errance, 2003. – 215 p.

Rüsen 2005 – *Rüsen J.* History: Narration, Interpretation, Orientation. – New York and Oxford: Berghahn Books, 2005. – 236 p.

REFERENCES

- ABAEV V.I. *Ob alanskom substrate v balkaro-karachaevskom yazyke* [About the Alanian substratum in the Balkar-Karachay language]. IN: *Materialy nauchnoi sessii po probleme proiskhozhdeniya balkarskogo i karachaevskogo narodov (22–26 iyulya 1959 g.)* [Materials of the scientific session on the problem of the origin of the Balkar and Karachai peoples (July 22–26, 1959)]. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960. – P. 127–134. (In Russ.).
- ABDOKOV A.I. *Otkuda poshlo nazvanie «Kabarda»?* [Where did the name "Kabarda" come from?]. IN: *Mir kul'tury. Vyp. 1* [World of Culture. Iss. 1]. – Nalchik: El'brus, 1990. – P. 140–145. (In Russ.).
- ABRAMOVA M.P. *Tsentral'nyi Kavkaz v sarmatskuyu epokhu* [Central Caucasus in the Sarmatian era]. IN: *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [European part of the USSR Steppes in the Scythian-Sarmatian time]. – M.: Nauka, 1989. – P. 268–282. (In Russ.).
- Adygi: Adygeitsy. Kabardintsy. Cherkesy. Shapsugi / otv. red. A.Kh. Abazov, Yu.D. Anchabadze, A.V. Kushkhabiev, M.M. Pashtova* [Adyghe. Kabardians. Circassians. Shapsugs / Managing editors: A.Kh. Abazov, Yu.D. Anchabadze, A.V. Kushkhabiev, M.M. Pashtova]. – M.: Nauka, 2022. – 870 p. (In Russ.).
- ALEKSEEV V.P. *Antropologicheskii tip adygov v epokhu pozdnego srednevekov'ya* [Anthropological type of the Adyghe in the late Middle Ages]. IN: *Sbornik materialov po arkhologii Adygei. Tom II* [Collection of materials on the archeology of Adygea. Vol. II]. – Maikop: Adygeiskoe kn. izd-vo, 1961. – 222 p. – P. 208 – 220. (In Russ.).
- ALEKSEEV V.P. *Proiskhozhdenie narodov Kavkaza* [Origin of the peoples of the Caucasus]. – M.: Nauka, 1974. – 315 p. (In Russ.).
- ALEKSEEVA E.P. *Drevnyaya i srednevekovaya istoriya Karachaev-Cherkessii (Voprosy etnicheskogo i sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya)* [Ancient and medieval history of Karachay-Cherkessia (Issues of ethnic and socio-economic development)]. – M.: Nauka, 1971. – 356 p. (In Russ.).
- ALEMANY A. *Alany v drevnikh i srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh* [Sources on the Alans. A Critical Compilation]. – Moscow: Menedzher, 2003. – 604 p. (In Russ.).
- ARMARCHUK E.A. *Nekotorye voprosy etnicheskoi istorii* [Some questions of ethnic history]. IN: *Arkheologiya. Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ya: IV–XIII veka / Otv. red. T.I. Makarova, S.A. Pletneva* [Archeology. Crimea, the North-Eastern Black Sea region and Transcaucasia in the Middle Ages: IV–XIII centuries / Managing editors T.I. Makarova, S.A. Pletnev]. – M.: Nauka, 2003. – P. 224–226. (In Russ.).
- Barbaro i Kontarini o Rossii: K istorii ital'yansko-russkikh svyazei v XV v. / Vstupitel'nye stat'i, podgotovka teksta, perevod i kommentarii E.Ch. Skrzhinskoi* [Barbaro and Contarini on Russia: On the history of Italian-Russian relations in the 15th century / Introductory articles, text preparation, translation and comments by E.Ch. Skrzhinskaya] – Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1971. – 273 p. (In Russ.).
- BATCHAEV V.M. *«My prishli iz Madzhar»: fakt ili vymysel?* ["We came from the Majars": fact or fiction?]. IN: *Voprosy srednevekovoi arkhologii Severnogo Kavkaza* [Issues of Medieval Archeology of the North Caucasus]. – Cherkessk, 1988. – P. 160–177. (In Russ.).
- BATCHAEV V.M. *Iz istorii traditsionnoi kul'tury balkartsev i karachaevtsev* [From the history of the traditional culture of the Balkars and Karachais]. – Nalchik: El'brus, 1986. – 152 p. (In Russ.).
- BATCHAEV V.M. *Madzhartsy (k probleme zolotoordynskogo etapa istorii Severnogo Kavkaza)* [Madjars (to the problem of the Golden Horde stage of the history of the North Caucasus)]. IN: *Problemy etnografii osetin* [Problems of ethnography of Ossetians]. – Vladikavkaz, 1992. – P. 86–99. (In Russ.).
- BATCHAEV V.M. *Predkavkazskie polovtsy i voprosy tyurkizatsii srednevekovoi Balkarii* [Pre-Caucasian Cumans and the Turkization of Medieval Balkaria]. IN: *Arkheologiya i voprosy drevnei istorii Kabardino-Balkarii. Vyp. 1* [Archeology and questions of ancient history of Kabardino-Balkaria. Iss. 1]. – Nalchik, 1980. – P. 79–95. (In Russ.).
- BETROZOV R.Zh. *Adygi: vzniknovenie i razvitie etnosa* [Adygs: the emergence and development of the ethnic group]. – Nalchik: «El'brus», 1998. – 279 p. (In Russ.).

BETROZOV R.Zh., BGAZHNOKOV B.Kh. *K voprosu o formirovanii kabardinskogo etnosa* [On the problem of the formation of Kabardin ethnos]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2012. – Vol. II. – No. 2. – P. 48–52. (In Russ.).

BROMLEY Yu.V. *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the theory of ethnos]. – M.: Izd-vo «Nauka», 1983. – 412 p. (In Russ.).

CHECHENOV I.M. *K istorii vtorzheniya voisk Timura v mezhdurech'e verkhov'ev Kubani i Tereka osen'yu 1395 g.* [On the history of the invasion of Timur's troops in the interfluvium of the upper reaches of the Kuban and the Terek in the autumn of 1395.]. IN: *Noveishie otkrytiya v arkheologii Severnogo Kavkaza: Issledovaniya i interpretatsii. XXVII Krupnovskie chteniya: mat-ly mezhdunar. nauch. konf. (g. Makhachkala, 23–28 aprelya 2012 g.) / Otv. red. M.S. Gadzhiev* [The latest discoveries in the archeology of the North Caucasus: Research and interpretation. XXVII Krupnov readings: materials of the international. scientific conf. (Makhachkala, April 23–28, 2012) / Managing ed. M.S. Gadzhiev]. – Makhachkala: Mavraev", 2012. – P. 403–405. (In Russ.).

CHECHENOV I.M. *K probleme izucheniya drevnei istorii i arkheologii Severnogo Kavkaza* [On the problem of studying the ancient history and archeology of the North Caucasus]. IN: *Sovetskaya arkheologiya*. – 1990. – No. 4. – P. 144–153. (In Russ.).

CHECHENOV I.M. *K voprosu o lokal'nykh variantakh kobanskoi kul'tury* [On the issue of local variants of the Koban culture]. IN: *Arkheologo-etnograficheskiy sbornik* [Archaeological and ethnographic collection]. – Nalchik: KBNII, 1974. – Iss. 1. – P. 14–51. (In Russ.).

CHECHENOV I.M. *O lokal'nykh razlichiyakh v pamyatnikakh maikopskoi kul'tury* [About local differences in monuments of the Maikop culture]. IN: *IV Krupnovskie chteniya po arkheologii Severnogo Kavkaza. Tezisy dokladov* [IV Krupnov readings on the archeology of the North Caucasus. Abstracts of reports]. – Ordzhonikidze: Severo-Osetinskii NII, 1974. – P. 60–61. (In Russ.).

CHECHENOV I.M. *Voprosy lokalizatsii mesta general'nogo srazheniya mezhdru voiskami Timura i Tokhtamysha v aprele 1395 g.* [Issues of localization of the place of the general battle between the troops of Timur and Tokhtamysh in April 1395.]. IN: *Otrazhenie tsivilizatsionnykh protsessov v arkheologicheskikh kul'turakh Severnogo Kavkaza i sopredel'nykh territorii. Yubileinye XXV «Krupnovskie chteniya» po arkheologii Severnogo Kavkaza: tezisy dokl. mezhdunar. nauch. konf. (g. Vladikavkaz, 21–25 aprelya 2008 g.) / Otv. red. A.A. Tuallagov* [Reflection of civilization processes in the archaeological cultures of the North Caucasus and adjacent territories. Anniversary XXV "Krupnov readings" on the archeology of the North Caucasus: abstracts of reports. intl. scientific conf. (Vladikavkaz, April 21–25, 2008) / Managing ed. A.A. Tuallagov]. – Vladikavkaz: SOIGSI, 2008. – P. 367–371. (In Russ.).

CHECHENOV I.M., ATABIEV B.Kh. *K probleme proiskhozhdeniya kobanskoi kul'tury i ee lokal'nykh variantov* [On the problem of the origin of the Koban culture and its local variants]. IN: *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Vypusk VIII. Krupnovskie chteniya. 1971–2006* [Materials for the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus. Issue VIII. Krupnov readings. 1971–2006]. – M.: Pamyatniki istoricheskoi mysli; Stavropol: Nasledie, 2008. – P. 447–448. (In Russ.).

CHERNYKH E.N. *Istoriya drevneishei metallurgii Vostochnoi Evropy* [The history of ancient metallurgy in Eastern Europe]. – M.: Nauka, 1966. – 144 p. (In Russ.).

CHKHAIDZE V.N. *Kochevniki XI–XIV vv. v Stepnom Predkavkaz'e: voprosy terminologii i etnicheskoi prinadlezhnosti* [Nomads of the XI–XIV centuries. in the Steppe Ciscaucasia: issues of terminology and ethnicity]. IN: *Pyataya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya: Materialy konferentsii* [Fifth Kuban Archaeological Conference: Conference Proceedings]. – Krasnodar: B.i., 2009. – P. 419–423. (In Russ.).

CHLENOVA N.L. *Olennye kamni kak istoricheskii istochnik (na primere olennykh kamnei Severnogo Kavkaza)* [Deer stones as a historical source (on the example of deer stones of the North Caucasus)]. – Novosibirsk: Nauka, 1984. – 100 p. (In Russ.).

DRUZHININA I.A. *O gruppe srednevekovykh kurganov basseina verkhovii Kubani* [About a group of medieval kurgans in the upper reaches of the Kuban]. IN: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii RAN*. – 2012. – Iss. 226. – P. 196–212. (In Russ.).

DRUZHININA I.A. *Pogrebal'nye pamyatniki Severo-Vostochnogo Prichernomor'ya i Severnogo Kavkaza XIII–XVIII vv. kak istochnik po istorii adygsikh narodov: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Funeral monuments of the North-Eastern Black Sea region and the North Caucasus of the XIII–XVIII centuries as a source on the history of the Adyghe peoples: dissertation abstract for the degree of candidate of historical sciences]. – M.: IA RAN, 2018. – 26 p. (In Russ.).

DUDAREV S.L., SAVENKO S.N. *K istoriografii fenomena «kobanskaya kul'tura»* [On the historiography of the phenomenon "Koban culture"]. IN: *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. – 2019. – No. 4. – P. 67–84. (In Russ.).

DUDAREV S.L., PELIKH A.L., SAVENKO S.N., TSETSKHLADZE G.R. *Arkheologicheskie istochniki o proiskhozhdenii i etnopoliticheskoi istorii naseleniya Severnogo Kavkaza* [Archaeological sources on the origin and ethno-political history of the population of the North Caucasus]. – Armavir: Dizain-studiya B, 2020. – 394 p. (In Russ.).

DYBO V.A. *Yazyk – etnos – arkheologicheskaya kul'tura* [Language – ethnos – archaeological culture]. IN: *Yazyk, kul'tura, etnos* [Language, culture, ethnicity]. – M.: Nauka, 1994. – P. 39–51. (In Russ.).

FEDOROV Ya.A. *Istoricheskaya etnografiya Severnogo Kavkaza* [Historical ethnography of the North Caucasus]. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1983. – 128 p. (In Russ.).

FOMENKO V.A. *Severo-Zapadnyi i Tsentral'nyi Kavkaz v drevnosti i srednevekov'e (vtoraya polovina II tys. do n.e. – seredina II tys. n.e.): obzor aktual'nykh voprosov sotsial'no-ekonomicheskogo i kul'turno-etnicheskogo razvitiya* [The North-Western and Central Caucasus in Ancient and Medieval Periods (the second half of the 2nd millennium BC – the middle of the 2nd millennium AD): a review of topical issues of socio-economic and cultural-ethnic development]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2015. – 176 p. (In Russ.).

GADLO A.V. *Etnicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza IV–X vv.* [Ethnic history of the North Caucasus IV–X centuries.]. – Leningrad: Izd. LGU, 1979. – 216 p. (In Russ.).

GADLO A.V. *Etnicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza X–XIII vv.* [Ethnic history of the North Caucasus X–XIII centuries.]. – Leningrad: Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta, 1994. – 239 p. (In Russ.).

GADLO A.V. *Knyaz' Inal adygo-kabardinskikh rodoslovnykh (1978)* [Prince Inal of Adyghe-Kabardian genealogies (1978)]. IN: *Istoricheskii vestnik*. Iss. I. – Nalchik: GP KBR «Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.»; Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2005. – P. 414–425. (In Russ.).

GADLO A.V. *Predystoriya Priazovskoi Rusi: Ocherki istorii russkogo knyazheniya na Severnom Kavkaze* [Prehistory of Azov Rus: Essays on the history of Russian reign in the North Caucasus]. – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2004. – 358 p. (In Russ.).

GEGRAEV Kh.K. *Etnodemografiya Balkarii XIX – nachala XX veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Ethnodemography of Balkaria XIX – early XX century: dissertation abstract for the degree of candidate of historical sciences]. – Nalchik: KBGU, 2003. – 28 p. (In Russ.).

GERASIMOVA M.M. *Gorodskoe naselenie Zapadnoi Alanii VIII–IX vv. (po kraniologicheskim materialam mogil'nika Moshchevaya Balka)* [The urban population of the Western Alania VIII–IX centuries (based on craniology of the burial Moshchevaya Balka)]. IN: *Vestnik antropologii*. – 2018. – No. 3 (43). – P. 95–111. (In Russ.).

GERASIMOVA M.M. *K voprosu o proiskhozhdenii balkartsev* [On the origins of Balkars]. IN: *Vestnik antropologii*. – 2013. – No. 3 (25). – P. 52–71. (In Russ.).

GOLUBEV L.E. *Adygi v XIII–XV vekakh. Sotsial'no-ekonomicheskoe i politicheskoe razvitiye* [Adyghe in the XIII–XV centuries. Socio-economic and political development]. – Krasnodar: IP Vol'naya N.N., 2017. – 192 p. (In Russ.).

GREKOV B.D., YAKUBOVSKY A.Yu. *Zolotaya Orda i ee padenie* [Golden Horde and its fall]. – M. – L.: Izd-vo AN SSSR, 1950. – 505 p. (In Russ.).

Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v. / Otv. red. A.L. Narochitsky [History of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the 18th century / Managing editor A.L. Narochitsky] – M.: Nauka, 1988. – 544 p. (In Russ.).

Kabardinskii fol'klor / Obshchaya redaktsiya G.I. Broido [Kabardian folklore / General editorship G.I. Broido]. – Moscow – Leningrad: Academia, 1936. – 650 p. (In Russ.).

KAGAZEZHEV Zh.V. *Deyatel'nost' Kabardy Tambieva i obrazovanie kabardinskogo knyazhestva Inalidov* [The activities of Kabarda Tambiev and the formation of the Kabardian Principality of Inalids]. IN: *Kavkaz-Forum*. – 2022. – Iss. 12 (19). – P. 63–71. (In Russ.).

KAGAZEZHEV Zh.V. *Problema proiskhozhdeniya vostochno-adygskogo naseleniya* [The problem of the origin of the East Adyghe population]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2023. – No. 1. – P. 216–225. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-216-225. EDN: FRVGYF. (In Russ.).

KAMBOLOV T.T. *Ocherk istorii osetinskogo yazyka* [Essay on the history of the Ossetian language]. – Vladikavkaz: Ir, 2006. – 463 p. (In Russ.).

KAMENETSKY I.S. *Meoty i drugie plemena severo-zapadnogo Kavkaza v VII v. do n.e. – III v. n.e.* [Meots and other tribes of the northwestern Caucasus in the 7th century BC – III century AD]. IN: *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [European part of the USSR Steppes in the Scythian-Sarmatian time]. – M.: Nauka, 1989. – P. 224–251. (In Russ.).

Karachaevtsy. Balkartsy / Otv. redaktory M.D. Karaketov, Kh.-M.A. Sabanchiev [Karachays. Balkars / Managing editors M.D. Karaketov, Kh.-M.A. Sabanchiev]. – Moscow: Nauka, 2014. – 814 p. (In Russ.).

KARLOV V.V. *Etnos i etnokul'turnye protsessy v epokhu globalizatsii* [Ethnos and ethnocultural processes in the era of globalization]. IN: *Vestnik antropologii*. – 2014. – No. 2 (28). – P. 6–14. (In Russ.).

KASSIAN A.S. *Klinopisnye yazyki Anatolii (khattskaia, khurrito-urartskie, anatoliiskaia): problemy etimologii i grammatiki: dis. ... d-ra filol. nauk* [Cuneiform languages of Anatolia (Hatta, Hurri-Urartian, Anatolian): problems of etymology and grammar: dissertation for the degree of Doctor of Philology]. – M.: IYa RAN, 2015. – 436 p. (In Russ.).

KAZANSKI M., MASTYKOVA A. *Les peuples du Caucase du Nord. Le début de l'histoire (Ier – VIIe siècle apr. J.C.)*. – Paris: Editions Errance, 2003. – 215 p. (In French)

KEREFOV B.M. *Pamyatniki sarmatskogo vremeni Kabardino-Balkarii* [Monuments of the Sarmatian period of Kabardino-Balkaria]. – Nalchik: El'brus, 1988. – 216 p. (In Russ.).

KHIZRIEV Kh.A. *Bor'ba narodov Severnogo Kavkaza s ekspansiei Timura: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The struggle of the peoples of the North Caucasus with the expansion of Timur: dissertation abstract for the degree of candidate of historical sciences]. – Leningrad: LGU, 1982. – 15 p. (In Russ.).

KHOTKO S.Kh. *Cherkesiya: genezis, etnopoliticheskie svyazi so stranami Vostochnoi Evropy i Blizhnego Vostoka (XIII–XVI vv.)* [Circassia: genesis, ethnopolitical relations with the countries of Eastern Europe and the Middle East (XIII–XVI centuries)]. – Maikop: Adyg. resp. kn. izd-vo, 2017. – 544 p. (In Russ.).

KHOTKO S.Kh. *Cherkesskie knyazhestva v XIV–XV vekakh: voprosy formirovaniya i vzaimosvyazi s subetnicheskimi gruppami* [Circassian principalities in the XIV–XV centuries: formation and interrelation with sub-ethnic groups]. IN: *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. – 2016. – Vol. 8. – No. 2/1. – P. 46–58. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-46-58. (In Russ.).

Klassifikatsiya v arkheologii [Classification in archaeology]. – SPb.: IIMK RAN, 2013. – 251 p. (In Russ.).

KOLESNIKOVA M.E., BABENKO V.A. *Pokhody armii Tamerlana v Tsentral'noe Predkavkaz'e v 1395–1396 gg. (lokalizatsiya, problemy izucheniya)* [Campaigns of Tamerlane's army in the Central Ciscaucasia in 1395–1396. (localization, problems of studying)]. IN: *Oriental Studies*. – 2023. – Vol. 16. – No. 2. – P. 252–267. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-252-267. (In Russ.).

Komissiya prishla k vyvodu [The commission came to the conclusion]. IN: *Nart*. – July 1993. – No. 21 (31). – P. 2. (In Russ.).

KONOVALOVA I.G. *Vostochnaya Evropa v sochineniyakh arabskikh geografov XIII–XIV vv.: tekst, perevod, kommentarii* [Eastern Europe in the works of Arab geographers of the XIII–XIV centuries: text, translation, commentary]. – M.: Vost. lit., 2009. – 223 p. (In Russ.).

KORENEVSKY S.N. *Drevneishie zemledel'tsy i skotovody Predkavkaz'ya: Maikopsko-novosvobodnenskaya obshchnost', problemy vnutrennei tipologii* [Ancient farmers and pastoralists

of Ciscaucasia: Maikop-Novosvobodnenskaya community, problems of internal typology]. – M.: Nauka, 2004. – 243 p. (In Russ.).

KORENEVSKY S.N. *K diskussii ob etnicheskoi interpretatsii maikopskoi kul'tury* [To the discussion about the ethnic interpretation of the Maikop culture]. IN: *Sovetskaya arkheologiya*. – 1990. – No. 4. – P. 125–131. (In Russ.).

KORENEVSKY S.N. *Sovremennye problemy izucheniya maikopskoi kul'tury* [Modern problems of studying the Maikop culture]. IN: *Arkheologiya Kavkaza i Blizhnego Vostoka: sb. k 80-letiyu chlena-korrespondenta RAN, professora R.M. Munchaeva / Otv. red. N.Ya. Merpert, S.N. Korenevsky* [Archeology of the Caucasus and the Near East: Collection of articles dedicated to the 80th anniversary of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences Professor R.M. Munchaeva / Managing Editors N.Ya. Merpert, S.N. Korenevsky]. – M.: TAUS, 2008. – P. 71–122. (In Russ.).

KOROBOV D.S. *Alany Severnogo Kavkaza: etnos, arkheologiya, paleogenetika* [Alans of the North Caucasus: ethnos, archeology, paleogenetics]. – SPb.: Nestor-Istoriya, 2019. – 156 p. (In Russ.).

KOVALEVSKAYA V.B. *Kavkaz – skify, sarmaty, alany I tys. do n.e. – I tys. n.e.* [Caucasus – Scythians, Sarmatians, Alans I millennium BC – I millennium AD]. – Pushchino: ONTI PNTs RAN, 2005. – 398 p. (In Russ.).

KOVALEVSKAYA V.B. *Kavkaz i Alany. Veka i narody* [Caucasus and Alans. Ages and peoples]. – M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury izdatel'stva «Nauka», 1984. – 192 p. (In Russ.).

KOVALEVSKAYA V.B. *Severnyi Kavkaz v X–XIII vv.* [North Caucasus in the X–XIII centuries.]. IN: *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya* [Eurasia Steppes in the Middle Ages]. – M.: Nauka, 1981. – P. 224–228. (In Russ.).

KOVALEVSKAYA V.B. *Severokavkazskie drevnosti* [North Caucasian antiquities]. IN: *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya* [Eurasia Steppes in the Middle Ages]. – M.: Nauka, 1981. – P. 83–188. (In Russ.).

KOZENKOVA V.I. *Kobanskaya kul'tura Kavkaza* [Koban culture of the Caucasus]. IN: *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [European part of the USSR Steppes in the Scythian-Sarmatian time]. – M.: Nauka, 1989. – P. 252–267. (In Russ.).

KOZENKOVA V.I. *Kul'turno-istoricheskie protsessy na Severnom Kavkaze v epokhu pozdnei bronzy i v rannem zheleznom veke: (uzlovye problemy proiskhozhdeniya i razvitiya kobanskoi kul'tury)* [Cultural and historical processes in the North Caucasus in the Late Bronze Age and in the Early Iron Age: (key problems of the origin and development of the Koban culture)]. – M. IA RAN, 1996 – 164 p. (In Russ.).

KOZENKOVA V.I. *O granitsakh zapadnogo varianta kobanskoi kul'tury* [On the boundaries of the Western variant of the Koban culture]. IN: *Sovetskaya arkheologiya*. – 1981. – No. 3. – P. 29–43. – P. 37–40. (In Russ.).

KOZHEV Z.A. *Ocherki voenno-politicheskoi istorii Cherkessii XV–XVII vv.* [Essays on the military-political history of Circassia in the 15th–17th centuries]. – Nalchik: Print Tsentr, 2020. – 144 p. (In Russ.).

KRADIN N.N. *Arkheologicheskie kul'tury i etnicheskie obshchnosti* [Archaeological cultures and ethnic communities]. IN: *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*. – 2009. – No. 5. – P. 9–19. (In Russ.).

KRISHTOPA A.E. *Dagestan v XIII – nachale XV vv. Ocherk politicheskoi istorii* [Dagestan in the XIII - early XV centuries. Outline of political history]. – M.: Izdatel'skaya gruppa «TAUS», 2007. – 228 p. (In Russ.).

KRUPNOV E.I. *Drevneishaya kul'tura Kavkaza i kavkazskaya etnicheskaya obshchnost' (K probleme proiskhozhdeniya korennykh narodov Kavkaza)* [The most ancient culture of the Caucasus and the Caucasian ethnic community (On the problem of the origin of the indigenous peoples of the Caucasus)]. IN: *Sovetskaya arkheologiya*. – 1964. – No. 1. – P. 26–43. (In Russ.).

KRUPNOV E.I. *Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza* [Ancient history of the North Caucasus]. – M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1960. – 520 p. (In Russ.).

KUBBEL L.E. *Ocherki potestarno-politicheskoi etnografii* [Essays on Potestary-Political Ethnography]. – M.: Izd-vo «Nauka», 1988. – 271 p. (In Russ.).

KUCHUKOV I. *XX vek... 1922-2022. Tragediya Balkarii* [XX century... 1922-2022. Tragedy of Balkaria]. – Izd. 2-e. – Moskva: Pero, 2020. – 590 p. (In Russ.).

KUZNETSOV V.A. *Alaniya v X–XIII vv.* [Alania in the X–XIII centuries]. – Ordzhonikidze: Ir, 1971. – 247 p. (In Russ.).

KUZNETSOV V.A. *Alanskie plemena Severnogo Kavkaza* [Alanian tribes of the North Caucasus]. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1962. – 164 p. (In Russ.).

KUZNETSOV V.A. *Iranizatsiya i tyurkizatsiya Tsentral'nokavkazskogo subregiona* [Iranization and Turkification of the Central Caucasian subregion]. IN: *Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii. № 1. Pamyatniki predskifskogo i skifskogo vremeni na yuge Vostochnoi Evropy / Pod red. R.M. Munchaeva, V.S. Ol'khovskogo* [Materials and research on the archeology of Russia. No. 1. Monuments of the pre-Scythian and Scythian times in the south of Eastern Europe / Ed. by R.M. Munchaev, V.S. Olkhovsky]. – M.: Institut arkheologii RAN, 1997. – P. 153–176. (In Russ.).

KUZNETSOV V.A. *Ocherki istorii alan. 2-e izd. dopol.* [Essays on the history of the Alans. 2nd edition revised]. – Vladikavkaz: Ir, 1992. – 392 p. (In Russ.).

KUZNETSOV V.A. *Zametki o kobanskoj kul'ture* [Notes on Koban culture]. IN: *Vestnik KBIGI*. – 2015. – Iss. 2 (25). – P. 7–18. (In Russ.).

LAVROV L.I. *Karachai i Balkariya do 30-kh godov XIX v.* [Karachay and Balkaria until the 30s of the XIX century.]. IN: *Kavkazskij etnograficheskij sbornik. Vyp. IV* [Caucasian ethnographic collection. Iss. IV]. – M.: B.i., 1969. – P. 55–119. (In Russ.).

LAVROV L.I. *Problemy etnogeneza kavkazskikh gortsev* [Problems of the ethnogenesis of the Caucasian highlanders]. IN: LAVROV L.I. *Istoriko-etnograficheskie ocherki Kavkaza* [Historical and ethnographic essays of the Caucasus]. – Leningrad: «Nauka». Leningradskoe otdelenie, 1978. – P. 33–47. (In Russ.).

LAVROV L.I. *Proiskhozhdenie kabardintsev i zaselenie imi nyneshnei territorii (1956)* [The origin of the Kabardians and their settlement of the current territory (1956)]. IN: LAVROV L.I. *Izbrannye trudy po kul'ture abazin, adygov, karachaevtsev, balkartsev* [Selected works on the culture of the Abaza, Circassians, Karachays, Balkars]. – Nalchik: GP KBR «Respublikanskij poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.», 2009. – P. 163–171. (In Russ.).

MARKOVIN V.I. *Otvet na stat'i, prislannye v svyazi s diskussiei o maikopskoj kul'ture* [Response to articles sent in connection with the discussion about Maikop culture]. IN: *Sovetskaya arkheologiya*. – 1990. – No. 4. – P. 153–157. (In Russ.).

MARKOVIN V.I. *Severnyi Kavkaz: istoriko-arkheologicheskoe izuchenie i sovremennost'* [North Caucasus: historical and archaeological study and modernity]. IN: *Rossiiskaya arkheologiya*. – 1996. – No. 3. – P. 90–105. (In Russ.).

MARKOVIN V.I. *Spornye voprosy v etnogeneticheskom izuchenii Severnogo Kavkaza* [Controversial issues in the ethnogenetic study of the North Caucasus]. IN: *Sovetskaya arkheologiya*. – 1990. – No. 4. – P. 106–122. (In Russ.).

MARKOVIN V.I. *Severokavkazskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost'* [North Caucasian cultural and historical community]. IN: *Epokha bronzy Kavkaza i Srednei Azii. Rannyya i srednyaya bronza Kavkaza* [The Bronze Age of the Caucasus and Central Asia. Early and Middle Bronze Age of the Caucasus]. – M.: Nauka, 1994. – P. 254–286. (In Russ.).

MARKOVIN V.I., MUNCHAEV R.M. *Severnyi Kavkaz. Ocherki drevnei i srednevekovoi istorii i kul'tury* [North Caucasus. Essays on ancient and medieval history and culture]. – Tula: Grif i K, 2003. – 340 p. (In Russ.).

MELYUKOVA A.I. *Zaklyuchenie* [Conclusion]. IN: *Stepi evropejskoj chasti SSSR v skifosarmatskoe vremya* [European part of the USSR Steppes in the Scythian-Sarmatian time]. – M.: Nauka, 1989. – P. 292–295. (In Russ.).

MINAEVA T.M. *K voprosu o rasselenii polovtsev* [On the question of the resettlement of the Polovtsy]. IN: *Materialy po izucheniyu Stavropolskogo kraja. Iss. 11* [Materials for the study of the Stavropol Territory. Iss. 11]. – Stavropol: Stavropolskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1964. – P. 167–196. (In Russ.).

MIZIEV I.M. *O sozdatelyakh maikopskoi kul'tury* [About the creators of the Maikop culture]. IN: *Sovetskaya arkheologiya*. – 1990. – No. 4. – P. 131–137. (In Russ.).

MIZIEV I.M. *Shagi k istokam etnicheskoi istorii Tsentral'nogo Kavkaza* [Steps to the Origins of the Ethnic History of the Central Caucasus]. – Nalchik: El'brus, 1986. – 182 p. (In Russ.).

MUNCHAEV R.M. *Kavkaz na zare bronzovogo veka. Neolit, eneolit, rannaya bronza* [Caucasus at the dawn of the Bronze Age. Neolithic, Eneolithic, Early Bronze Age]. – M.: Nauka, 1975. – 415 p. (In Russ.).

MUNCHAEV R.M. *Maikopskaya kul'tura* [Maikop culture]. IN: *Epokha bronzy Kavkaza i Srednei Azii. Rannaya i srednyaya bronza Kavkaza* [The Bronze Age of the Caucasus and Central Asia. Early and Middle Bronze Age of the Caucasus]. – M.: Nauka, 1994. – P.158–225. (In Russ.).

MURATOVA E.G. *Sotsial'no-politicheskaya istoriya Balkarii XVII – nachala XX v.* [Sociopolitical history of Balkaria in the 17th – early 20th centuries]. – Nalchik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2007. – 420 p. (In Russ.).

NAGOEV A.Kh. *Material'naya kul'tura kabardintsev v epokhu pozdnego Srednevekov'ya (XIV – XVII vv.) / Pod redaktsiei S.A. Pletnevoi* [The material culture of Kabardians in the late Middle Ages (XIV – XVII centuries) / Edited by S.A. Pletneva]. – Nalchik: El'brus, 1981. – 88 p. (In Russ.).

NAGOEV A.Kh. *Srednevekovaya Kabarda* [Medieval Kabarda]. – Nalchik: Izdatel'skii tsentr «EL"-FA», 2000. – 231 p. (In Russ.).

NAROZHNY E.I. «*Nashestvie i predely katastrofy XIII veka*» v otsenkakh sovremennykh otechestvennykh i zarubezhnykh issledovatelei ["Invasion and the limits of the catastrophe of the XIII century" in the assessments of modern domestic and foreign researchers]. IN: *Zolotoordynskoe obozrenie*. – 2017. – T. 5. – No. 4. – P. 825–836. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.825-836. (In Russ.).

NAROZHNY E.I. *Severnyi Kavkaz v XIII–XV vekakh: problemy politicheskoi istorii i etnokul'turnogo vzaimovozdeistviya: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [North Caucasus in the XIII–XV centuries: problems of political history and ethno-cultural interaction: dissertation abstract for the degree of doctor of historical sciences]. – Vladikavkaz, 2010. – 58 p. (In Russ.).

NECHITAILO A.L. *Spetsifika kul'turnykh grupp maikopskoi obshchnosti* [The Specificity of the Cultural Groups of the Maikop Community]. IN: *Maikopskii fenomen v drevnei istorii Kavkaza i Vostochnoi Evropy. Mezhdunarodnyi simpozium. Novorossiisk, 18–24 marta 1991 g. Tezisy dokladov* [Maikop phenomenon in the ancient history of the Caucasus and Eastern Europe. International Symposium. Novorossiysk, March 18–24, 1991. Abstracts of reports]. – Leningrad: Leningr. otd-nie In-ta arkheologii., 1991. – P. 13–15. (In Russ.).

NEKRASOV A.M. *Mezhdunarodnye otnosheniya i narody Zapadnogo Kavkaza (poslednyaya chetvert' XV – pervaya polovina XVI veka)* [International relations and the peoples of the Western Caucasus (the last quarter of the 15th – the first half of the 16th century)]. IN: NEKRASOV A.M. *Izbrannye trudy / Sost. K.F. Dzamikhov, Dzh.Ya. Rakhaev; nauchnyi redaktor K.F. Dzamikhov* [Selected works / Compiled by K.F. Dzamikhov, J.Ya. Rakhaev; scientific editor K.F. Dzamikhov]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBGI, 2015. – P. 45–140. (In Russ.).

NIKOLAEVA N.A. *Kubano-terskoe mezhdurech'e v epokhu rannei i srednei bronzy (vydelenie i periodizatsiya kubano-terskoi kul'tury): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Kuban-Tersk interfluvium in the early and middle Bronze Age (identification and periodization of the Kuban-Tersk culture): dissertation abstract for the degree of candidate of historical sciences]. – Leningrad: LGU im. A.A. Zhdanova, 1987. – 17 p. (In Russ.).

NOVICHIKHIN A.M. *Ob etnogeneze sindov* [On the ethnogenesis of the Sinds]. IN: *Drevnyaya i srednevekovaya kul'tura adygov. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Ancient and medieval culture of the Circassians. Materials of the International Scientific and Practical Conference]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI RAN, 2014. – P. 110–121. (In Russ.).

Ob etnicheskoi territorii i etnicheskikh granitsakh Balkarii. Spravka ekspertnoi gruppy Natsional'nogo Soveta Balkarskogo Naroda [On the ethnic territory and ethnic boundaries of Balkaria. Information from the expert group of the National Council of the Balkar People]. IN: *Tere. Nezavisimaya gazeta*. – August 1992. – No. 23. – P. 2–6. (In Russ.).

OZOVA F.Kh. *K voprosu o proiskhozhdenii knyazheskoi dinastii Cherkessii* [To the question of the origin of the princely dynasty of Circassia]. IN: *Arkheologiya i etnologiya Severnogo Kavkaza. Sbornik nauchnykh trudov* [Archeology and ethnology of the North Caucasus. Collection of scientific papers]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2012 – Iss. 1. – P. 134–158. (In Russ.).

Pereselenie Kabardy Tambieva [Resettlement of Kabarda Tambiev]. IN: *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza. Vyp. 12* [Collection of materials for the description of localities and tribes of the Caucasus. Iss. 12]. – Tiflis: Tipografiya Kantselyarii Glavnon-achal'stvuyushchego grazhdanskoi chast'yu na Kavkaze, 1891. – P. 13–20. (In Russ.).

PETRENKO V.G. *Skify na Severnom Kavkaze* [Scythians in the North Caucasus]. IN: *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [European part of the USSR Steppes in the Scythian-Sarmatian time]. – M.: Nauka, 1989. – P. 216–223. (In Russ.).

PLETNEVA S.A. *Kochevniki srednevekov'ya. Poiski istoricheskikh zakonomernostei* [Medieval nomads. The search for historical patterns]. – M.: Nauka, 1982. – 189 p. (In Russ.).

PLETNEVA S.A. *Polovtsy* [Polovtsy]. – M.: Nauka, 1990. – 208 p. (In Russ.).

REPINA L.P. *Istoriya regionov, ili «territoriya istorika» posle prostranstvennogo povorota* [The history of regions, or "the territory of the historian" after the spatial turn]. IN: *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii*. – 2019. – No. 69. – P. 5–16. (In Russ.).

REZEPKIN A.D. *Severo-Zapadnyi Kavkaz v epokhu rannei bronzy: (Na materiale pogrebal'nykh pamyatnikov novosvobodnenskogo tipa): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The North-Western Caucasus in the Early Bronze Age: (Based on the burial monuments of the Novosvobodnensky type): dissertation abstract for the degree of candidate of historical sciences]. – Leningrad: In-t arkheologii. Leningr. otd-nie, 1989. – 24 p. (In Russ.).

RTVELADZE E. V. *O pokhode Timura na Severnyi Kavkaz* [About Timur's campaign in the North Caucasus]. IN: *Arkheologo-etnograficheskii sbornik. T. IV / Otv. red. V.B. Vinogradov* [Archaeological and ethnographic collection. Vol. IV / Managing ed. V.B. Vinogradov]. – Grozny: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1976. – P. 103–128. (In Russ.).

RTVELADZE E.V. *K voprosu o vremeni massovogo pereseleniya kabardintsev v tsentral'nye raiony Severnogo Kavkaza (1973)* [On the question of the time of the mass resettlement of Kabardians in the central regions of the North Caucasus (1973)]. IN: *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Iss. VIII. Krupnovskie chteniya I–XXIV, 1971–2006 gg.* [Materials for the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus. Issue. VIII. Krupnov Readings I–XXIV, 1971–2006]. – M.: Pamyatniki istoricheskoi mysli; Stavropol: Nasledie, 2008. – P. 77–78. (In Russ.).

RÜSEN J. *History: Narration, Interpretation, Orientation*. – New York and Oxford: Berghahn Books, 2005. – 236 p. (In English)

RYUZEN I. *Utrachivaya posledovatel'nost' istorii (nekotorye aspekty istoricheskoi nauki na perekrestke modernizma, postmodernizma i diskussii o pamyati)* [Loosing the Order of History]. IN: *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii*. – 2001. – No. 7 – P. 8–26. (In Russ.).

SABANCHIEV Kh.-M.A. *Zolotaya Orda i narody Severnogo Kavkaza* [Golden Horde and the peoples of the North Caucasus]. IN: *Voprosy istorii*. – 2017. – No. 10. – P. 64–78. (In Russ.).

SAFRONOV V.A. *Indoevropeiskie prarodiny* [Indo-European homelands]. – Gorky: Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989. – 398 p. (In Russ.).

SAFRONOV V.A. *Novye puti resheniya maikopskoi problemy* [New ways of solving the Maikop problem]. IN: *Sovetskaya arkheologiya*. – 1990. – No. 4. – P. 137–144. (In Russ.).

SKHATUM R.B. *O vremeni pereseleniya adygov na Tsentral'nyi Kavkaz* [About the time of the Circassian migration to the Central Caucasus]. IN: *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh. Vyp. 9* [Historical and archaeological almanac. Iss. 9]. – Armavir; Krasnodar; M.: AKM, 2009. – P. 101–108. (In Russ.).

SKIBA K.V. *Istoriya «knyazhestva Temirgoi» i roda knyazei Bolotokovykh v XV–XVIII vv.* [The history of the "principality of Temirgoi" and the family of the princes Bolotokov in the XV–XVIII centuries]. IN: *Rossiiskaya gosudarstvennost' v sud'bakh narodov Kavkaza – IX. Materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Pyatigorsk, 24–25 noyabrya 2016 g.* [Russian state-

hood in the fate of the peoples of the Caucasus – IX. Materials of the regional scientific-practical conference. Pyatigorsk, November 24–25, 2016]. – Pyatigorsk: PGU, 2016. – P. 182–188. (In Russ.).

SOTTAEV A.Kh. *Proiskhozhdenie balkartsev i karachaevtsev po dannym yazyka* [The origin of the Balkars and Karachays according to the language]. IN: *Materialy nauchnoi sessii po probleme proiskhozhdeniya balkarskogo i karachaevskogo narodov (22–26 iyulya 1959 g.)* [Materials of the scientific session on the problem of the origin of the Balkar and Karachai peoples (July 22–26, 1959)]. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960. – P. 81–95. (In Russ.).

STAROSTIN S.A. *Kul'turnaya leksika v obshcheseverokavkazskom slovarnom fonde* [Cultural vocabulary in the general North Caucasian vocabulary]. IN: *Drevnyaya Anatoliya* [Ancient Anatolia]. – M.: Nauka, 1985. – P. 74–94. (In Russ.).

TIZENGAUZEN V. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoi Ordy. T. I. Izvlecheniya iz sochinenii arabskikh* [Collection of materials relating to the history of the Golden Horde. Volume I. Extracts from Arabic writings]. – SPb.: Izdano na izhdivenie grafa S.G. Stroganova, 1884. – 563 p. (In Russ.).

TIZENGAUZEN V. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoi Ordy. Tom II. Izvlecheniya iz persidskikh sochinenii* [Collection of materials relating to the history of the Golden Horde. Volume II. Extracts from Persian writings]. – M. – L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1941. – 308 p. (In Russ.).

TOKHTAS'EV S.R. *Problema skifskogo yazyka v sovremennoi nauke* [The problem of the Scythian language in modern science]. IN: *Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest* / Ed. by Victor Cojocar. – Iași: Trinitas, 2005. – P. 59–108. (In Russ.).

TRIFONOV V.A. *Osobennosti lokal'no-khronologicheskogo razvitiya maikopskoi kul'tury* [Features of the local-chronological development of the Maikop culture]. IN: *Maikopskii fenomen v drevnei istorii Kavkaza i Vostochnoi Evropy. Mezhdunarodnyi simpozium. Novorossiisk, 18–24 marta 1991 g. Tezisy dokladov* [Maikop phenomenon in the ancient history of the Caucasus and Eastern Europe. International Symposium. Novorossiysk, March 18–24, 1991 Abstracts of reports]. – Leningrad: Leningr. otd-nie In-ta arkheologii., 1991. – P. 25–29. (In Russ.).

TRIFONOV V.A. *Stepnoe Prikuban'e v epokhu eneolita – rannei bronzy (periodizatsiya)* [Steppe Kuban region in the Eneolithic – Early Bronze Age (periodization)]. IN: *Drevnie kul'tury Prikuban'ya* [Ancient cultures of the Kuban region]. – Leningrad: Nauka, 1991. – P. 92–166. (In Russ.).

TRUBACHEV O.N. *Nekotorye dannye ob indoariiskom yazykovom substrate Severnogo Kavkaza v antichnoe vremya* [Some data on the Indo-Aryan language substratum of the North Caucasus in ancient times]. IN: *Vestnik drevnei istorii*. – 1978. – No. 4. – P. 34–42. (In Russ.).

TUALLAGOV A.A. *Retsenziya na knigu: Korobov D.S. «Alany Severnogo Kavkaza: etnos, arkheologiya, paleogenetika»*. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2019. 156 s. [Book review: Korobov D.S. "Alans of the North Caucasus: ethnos, archeology, paleogenetics". M.; St. Petersburg: Nestor-History, 2019. 156 p.]. IN: *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra*. – 2020. – Vol. 20. – No. 3. – P. 80–84. (In Russ.).

VELIKAYA N.N., DUDAREV S.L., SAVENKO S.N. *Etnogenez i etnopoliticheskaya istoriya Severnogo Kavkaza (drevnost', srednevekov'e, novoe vremya)* [Ethnogenesis and Ethnopolitical History of the North Caucasus (Antiquity, Middle Ages, Modern Times)]. IN: *Izvestiya nauchno-pedagogicheskoi Kavkazovedcheskoi Shkoly V.B. Vinogradova* [Proceedings of the V.B. Vinogradov's Scientific and Pedagogical School of Caucasian Studies]. – Iss. 11. – Armavir: Dizaïn-studiya B, 2019. – 218 p. (In Russ.).

VINOGRADOV V.B. *Tsentral'nyi i Severo-Vostochnyi Kavkaz v Skifskoe vremya VII–IV veka do n.e. (voprosy politicheskoi istorii, evolyutsii kul'tur i etnogeneza)* [Central and North-Eastern Caucasus in the Scythian time of the 7th–4th centuries BC (questions of political history, evolution of cultures and ethnogenesis)]. – Grozny: Chech.-Ing. kn. izd-vo, 1972. – 389 p. (In Russ.).

VINOGRADOV V.B., SHAOVA (KAITMESOVA) S.B. *Kabardintsy i vainakhi na beregakh Sunzhi (XVI – seredina XVIII v.)* [Kabardians and Vainakhs on the banks of the Sunzha (XVI – mid-XVIII centuries)]. – Armavir; Maikop: B.i., 2003. – 154 p. (In Russ.).

VITCHAK K.T. *Skifskii yazyk: opyt opisaniya (1992)* [Scythian language: an experience of description (1992)]. IN: *Voprosy yazykoznaniiya*. – 1992. – No. 5. – P. 50–59. (In Russ.).

VOLKOV I.V. *Puteshestvie Iosafata Barbaro v Persiyu v 1473–1478 gg. (tekst, perevod, kommentarii)* [Giosafat Barbaro's Travel to Persia in 1473–1478 (text, translation, comments)]. IN: *Genuezskaya Gazariya i Zolotaya Orda = The Genoese Gazaria and the Golden Horde*. – Kazan – Simferopol – Kishinev: Stratum Plus, 2015. – P. 605–692. (In Russ.).

VOLKOVA N.G. *Etonimy i plemennye nazvaniya Severnogo Kavkaza* [Ethnonyms and tribal names of the North Caucasus]. – M.: Nauka, 1973. – 208 p. (In Russ.).

YABLONSKY L.T. *Problemy kontseptsii etnogeneza na sovremennom etape razvitiya gumanitarnykh znanii* [Problems of the concept of ethnogenesis at the present stage of development of humanitarian knowledge]. IN: *Etnichnost' v arkheologii ili arkheologiya etnichnosti? Materialy Kruglogo stola / Otv. red. V.S. Mosin, L.T. Yablonsky* [Ethnicity in archeology or archeology of ethnicity? Materials of the Round Table / Managing ed. V.S. Mosin, L.T. Yablonsky]. – Chelyabinsk: TsIKR Rifei, 2013. – P. 34–47. (In Russ.).

ZAITSEV I.V. *Mezhdou Moskvoi i Stambulom. Dzhuchidskie gosudarstva, Moscow i Osman-skaya imperiya (nachalo XV – pervaya polovina XVI vv.): ocherki* [Between Moscow and Istanbul. Jochid states, Moscow and the Ottoman Empire (beginning of the 15th – first half of the 16th centuries): essays]. – M.: Rudomino, 2004. – 216 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.Х. Боров – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

A.Kh. Borov – Candidate of Historical Sciences, associate professor.

Статья поступила в редакцию 31.07.2023 г.; одобрена после рецензирования 09.09.2023 г.; принята к публикации 28.09.2023 г.

The article was submitted 31.07.2023; approved after reviewing 09.09.2023; accepted for publication 28.09.2023.